

Марк Маффин

**КНИГА О МОЁМ
УБИЙСТВЕ**

Марк Маффин

Книга о моем убийстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619272

ISBN 9785005023827

Аннотация

Когда твоего брата-близнеца находят мертвым возле психбольницы – это ужасно. Пусть вы и не общались пятнадцать лет. Но что, если в убийстве подозревают тебя? Если у следователя с тобой личные счеты? Если твоя жена ведет себя странно, а по квартире будто бродят призраки? И если все, что брат тебе завещал – пропавшая рукопись романа «Книга о моем убийстве»? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	6
1	6
2	12
3	14
4	18
5	21
6	28
7	33
8	37
9	39
ДЕНЬ ВТОРОЙ	47
1	47
2	51
3	57
4	60
5	65
6	67
7	69
8	73
ДЕНЬ ТРЕТИЙ	76
1	76
2	79
3	84

4	86
5	92
6	94
7	100
8	108
9	110
10	114
11	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Книга о моем убийстве

Марк Маффин

© Марк Маффин, 2019

ISBN 978-5-0050-2382-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

– Будто себя хороню, – мрачно пошутил Дима, опрокидывая пластиковый стаканчик водки возле могилы брата.

Стоящая поодаль секретарша Женя закашлялась, не оценив шутку, и плотнее закуталась в пальто.

На пожухлую листву стали падать капли дождя.

Дима снова посмотрел на могилу. На фотографию брата-близнеца Егора. *Детскую* фотографию – Егор почему-то попросил поставить ее. Ему тут лет шесть. Улыбается. Сидит на велосипеде.

Дима понимал, что сейчас они с братом выглядят иначе, но сходств достаточно – угольные волосы, узкие скулы, слегка вытянутое лицо...

Синюшные губы, выпученные глаза... Сегодня они – Дима возле гроба, а Егор внутри – тоже были похожи: у Димы цвет лица определялся выпитым вчера, а у Егора – удавкой, которую тот набросил себе на шею.

Дима сделал еще глоток. Хорошо идет. Два дня квасит, и хорошо. Вчера не помнил, как домой пришел. Сказал Ире, что задержится – и конец фильма. Проснулся в постели один. У головы – тазик.

Ты должен скорбеть, напомнил себе Дима. Поднатужился. Не получилось. Даже Ира выразила что-то вроде соболезнований. На похороны под каким-то предлогом не пошла, но поскорбела. А Дима не смог. Надраться – смог, а скорбеть... Они слишком давно толком не общались. Уже... лет пятнадцать? Где-то так. Поздно скорбеть. Зато надрался он так, что...

Скорбеть не получалось, а от прокручиваний слово приобрело малопонятный смысл. Интересно, а те, что были на похоронах – скорбели?

Возможно. Друзья Егора – с которыми он познакомился уже в психушке – точно скорбели. Их с Димой бывшие одноклассники – не факт. Слишком расстроились, что поминок не будет.

– Воля покойного.

Как множество других вещей, поминки не входили в сложную этическую систему Егора, сформированную алкоголем и психзаболеванием.

Постояли. Выпили. Помолчали. Кто-то сказал, что Егор прожил достойную жизнь.

Всем стало неловко, и скорбящие стали расходиться.

– Думаю, Егору понравились бы похороны, – сказала Женя.

Наверно, хотела утешить. Дима хрюкнул. Дима знал, что ничего подобного.

Устроить похороны как хотел Егор не позволял уголов-

ный кодекс. Брат был зороастрийцем – то есть он много кем был, вербовщики чувствовали в нем легкую добычу, и один раз чуть не затащили в движение «Наши» – но перед смертью Егор был зороастрийцем, а к похоронам те относились специфично.

– У нас, – рассказывал как-то Егор, – нет почитания к трупу. Труп – это не умерший. Это брэнная оболочка.

– Окей, и? – Диму разговор тяготил, он приехал, чтоб отмазать Егора, которому подбросили наркотики, а тут...

– Труп оскверняет все, к чему прикасается.

– Значит, зарыть его к хренам, и...

– Ага.

– А что такого?

– Земля. Осквернение земли. Это важнейшая стихия. Закапывать труп – нельзя. Топить – нельзя, сжигать...

– Сжигать можно.

– С чего ты взял?

– Фредди Меркьюри, его же вроде...

– Это от безвыходности сделали. Там менты сказали, что по-другому никак, а в идеале...

В идеале Егора нужно было отдать на съедение грифам. В дакхме, или «Башне молчания». Чтобы точно никого не оскорбить – кроме грифов, но они в зороастризме не почитались.

Дима покивал, предполагая, что Егор скоро придумает что-то новое. Не вышло. И разговор этот повторялся раз де-

сять. Когда брат окончательно достал, Дима спросил, можно ли совокупиться с настолько неуважаемыми останками.

Егор задумался.

– Не знаю. Я бы не советовал.

– Почему?

– Насколько я могу судить, ничего аморального в этом нет. Но – прикосновение к покойнику работает так же, как и с другими стихиями.

– В смысле?

– В коромысле. Прикасаясь к трупам, ты оскверняешь себя. Того, кто прикоснется к телу усопшего, ждут самые страшные муки на свете.

Когда Егора нашли повешенным в лесу, Дима честно уточнил в ЗАГСе, кому можно отдать тело на съедение. Ответили, что никому.

– Мы правовое государство, – сказали.

И добавили, что посадят. В смысле – если он попытается осуществить свой план. Несмотря на абсурдность ситуации, Дима не понимал, какое кому дело, как он похоронит брата. То есть это бред, конечно, но если человек хотел...

Дима усмехнулся, вспомнив, как из чувства противоречия собирался звонить в зоопарк. Потом передумал – у него уже были проблемы с законом, и новых не хотелось.

И в тюрьму не хотел. И просыпался раз в месяц при воспоминаниях о том, что случилось пятнадцать лет назад. И...

Не важно.

– Как-то так, – завершил рассказ Дима. – В итоге решил похоронить.

– Но...

– Сжигать не вариант. Там потом либо закапывать, либо развеивать. И вместо одной стихии две оскорбишь.

– Ясно, – сказала Женя. – А другие пожелания у вашего брата были?

Дима задумался. Посмотрел на небо. Дождь усиливался. Дима открыл рот, чтобы как в детстве ухватить пару капелек воды, но холодный осенний ветер перехватил горло.

– Даже не знаю, – сказал он. – Честно говоря...

Дима замолчал. Женя вопросительно посмотрела на начальника.

– Егор мечтал стать великим писателем, и однажды попросил, чтоб на могиле была первая строчка из его романа.

– Какого романа?

– Откуда мне знать. Какая-то очередная макулатура.

– Ну хоть название?

Дима напрягся. Егор написал много бездарных неопубликованных романов и вспомнить конкретный опус было сложно. Но сама идея показалась интересной...

– Не помню, но по дороге вспомню, – наконец сказал он.

– По дороге куда?

– К нему домой. По логике, там этих романов должно быть завались...

Дима пошел к машине. Женя двинулась следом. Дима уже год не садился за руль. После автокатастрофы, в которой погибли родители. Гаишники установили все обстоятельства. Рассказали родным. Дима хорошо помнил этот рассказ. Вспоминал, когда садился за руль. И начинали дрожать руки.

По дороге к машине Дима вспомнил название романа, о котором говорил Егор. «Книга о моем убийстве». Уже что-то...

Дима порадовался. Рассказал Жене. Та тоже порадовалась. Они оба не заметили, как следом за ними с кладбища выехала неприметная серая легковушка.

2

Ибрагиму Берзиньшу, следующему за Диминой иномаркой, не нравилось.

Не нравилось все. И всегда.

Не нравилось собственное имя, которое он – латыш по национальности – получил в честь погибшего друга отца. По словам бати, тот самый Ибрагим был хорошим человеком, прикрывшим отцовскую спину в Афгане, но носить имя покойника, вызывающее у потенциальных подруг гомерический хохот, было и неприятно, и жутковато.

Собственная работа нравилась Ибрагиму еще меньше. Он уже пытался соскочить – безуспешно – и теперь в кругу «друзей-не-с-работы» Ибрагим говорил, что работает в «крупной корпорации», что, в принципе, было недалеко от истины. На уточняющие вопросы Ибрагим не отвечал – не любил косые взгляды – да и круг «несрабочих» друзей постоянно уменьшался, сжимаясь как удавка на шее.

Благодаря невзрачной внешности Ибрагим замечательно выслеживал людей – и не любил этого. По определенным причинам.

Еще ему не нравились снимки «объекта», которые он сделал. В тайне от сослуживцев, которые за *такое* могли окрестить педиком, Ибрагим вел Инстаграм и понимал, что снимки с кладбища не спасут никакие фильтры. Раздраже-

ние было абсурдным – их все равно не станут публиковать – но оно было, и это раздражение раздражало еще больше.

Морось за окном тоже была не к месту – приходилось сокращать дистанцию, и шанс попасться жертве на глаза увеличивался.

И, наконец, мужик, которого он пас уже пару дней, Ибрагиму тоже не нравился. То есть, в отличие от прочих объектов, нравился – и это вызывало проблемы нравственного характера.

Ибрагим знал, *как* контора использует полученную им информацию, и не желал мужику таких проблем.

Сев сзади, Дима уютно вытянул ноги. Машина была большая. Позволяла. Машина была большая – обязывал статус.

По окну дребезжал дождь и шебуршали дворники. В салоне приятно пахло кожей. Было хорошо. Сейчас. Пока пьяный, пока не начался отходняк...

Дима отогнал тяжелые мысли. Посмотрел на сидящую за рулем Женю. Решил подумать о ней.

Вспомнил, как брал ее на работу. Его прошлая секретарша уходила на пенсию. Нячиться с внуками. Высаживать помидоры. Напоследок порекомендовала себе неплохую замену.

И не рекомендовала брать на работу молодых.

Но Дима взял Женю. Почему – и сам не знал. Чем-то она его зацепила. Не в сексуальном смысле. Хотя и в сексуальном – невысокая, стройная брюнетка – Дима любил брюнеток – Женя вполне была хороша собой. Но... у него есть Ира...

Не важно. Женя была *явно* не в его вкусе – но почему-то он ее взял. Почувствовал родственную душу? Почувствовал, что она свой человек?

Не важно. Взял – и пожалел об этом сразу же. Ира – это жена – устроила сцену ревности. В первый же день. И потом еще месяц мозги долбила. Аккуратно, правда, но...

Подчиненные за спиной шушукались, что у начальника намечаются шуры-муры, и в компании начался дисциплинарный раздрай. Упали показатели...

И все бы ничего, но Женю пришлось учить практически с нуля. Даже Экселем пользоваться.

А еще волосы у нее оказались светлые – просто случайно покрасилась перед собеседованием.

Не важно. Инвестиции в Женю вернулись сторицей – теперь Дима не представлял, что на месте девушки раньше мог быть кто-то еще. Она прекрасно разбиралась во всех рабочих процессах, была вежлива и обходительна, никогда ничего не забывала...

Не подавала виду, когда он садился на заднее сиденье машины. Садился потому, что боялся ездить на переднем.

Никогда не подавала виду. Даже бровью не вела.

Но ответа на вопрос, почему он тогда взял Женю, так и не было.

– Ты просто нарцисс, – сказал как-то Егор.

Он обожал говорить о том, о чем его не спрашивали.

– Ты нарцисс, – повторил Егор. – Ты ее взял как породистую кобылу. Ты на ее фоне смотришься хорошо – весь такой богатый. Тебе важно не быть, а казаться.

Дима тогда сказал, что если Егор хочет сыпать банальностями, пусть заведет Твиттер, и повесил трубку. Было три часа ночи. Егор, как всегда, напился и хотел поделиться своими взглядами на мироздание.

Стало грустно. Три часа ночи. Егор прав. В чем-то. Дима любил дорогие костюмы – больше, чем они того заслуживали. Разбирался в дорогом вине – хоть и любил темное пиво. И боялся, что в глубине души ему плевать на Иру, и он с ней лишь потому, что она наилучшим образом подходит на роль жены бизнесмена. Стройная. Высокая. Со всеми округлостями – это сейчас в моде. Хорошо смотрится в строгом платье. С декольте.

Умеет поддержать светскую беседу. В отличие от Жени, Ира закончила вуз с красным дипломом. В отличие от Жени, Ира закончила вуз.

Снова стало тошно. Это «отходняк». Это точно он. Или укачало.

Дима вынырнул на поверхность. Они уже подъезжали. Двор Егора. Их двор – они все детство лазили по этим разукрашенным в казенную радугу железякам. Бегали по крышам сараев. По весне выбивали резиновыми сапогами глыбы льда из водосточных труб у подъезда.

Начало щипать глаза...

Это «отходняк». Это точно он.

Вышли из машины. Дима первый. Приоткрыл дверь перед Женей.

– Прошу вас, – с чего-то вдруг захотелось почувствовать себя джентльменом.

Женя улыбнулась. Подала руку. Вышла.

Подъезд. Лестница. Пятый этаж. Лифта – разумеется –

нет. «Хрущоба». Их специально строили пятиэтажными – по ГОСТу это была максимальная этажность, которая не требовала установки лифта. Женя уверенно двинулась вверх по лестнице. Дима, проклиная «совок», потащил себя следом.

Квартира Егора. Запечатана – обклеена желтыми лентами. «Проникать в помещение до окончания следствия запрещено».

Женя в нерешительности остановилась.

– И что дальше?

Дима хмыкнул и сорвал ленты. Женя ойкнула.

Дима позвенел у замка ключами и распахнул дверь.

– Прошу вас.

Снова джентльменство – он обычно к ней на «ты»

Женя, не обращая внимания на заигрывание начальства, зашла внутрь и остановилась, как вкопанная.

Зашедший следом Дима понял, в чем дело – у него тоже сложилось впечатление, что в квартире кто-то побывал.

4

– Ибрагим? – пробурчал в трубку Гладышев.

– Здравствуйте, Петр Ефимович, это может быть интересно...

– Ближе к сути.

– Объект с секретаршей только что зашел в дом Егора Кузнецова.

– Отлично. Продолжай наблюдение. И вот еще что...

– Да?

– Проверь, когда выйдут, одну штуку...

Отдав Ибрагиму указания, следовательно по особо важным делам Петр Ефимович Гладышев сладко потянулся в кресле. Сейчас подследственный совершает ошибку, серьезную ошибку.

Ошибку, которая может стоить свободы.

Приятно...

Когда с неделю назад Гладышеву передали дело о самоубийстве Егора Кузнецова, он лишь поморщился от звука неприятной фамилии. Распространенной фамилии. Которая за последние пятнадцать лет встречалась Гладышеву не раз. И даже на секунду не задумался, что речь может идти о *том самом* Кузнецове.

Узнать Егора по фотографии было нельзя. Выпученный язык, синюшное лицо – он совершенно не походил на того

шестнадцатилетнего подростка. Но у него был брат. Дима. Два брата-близнеца – Егор и Дима. Кузнецовы.

Таких совпадений не бывает.

У Кузнецова есть мотив – наследство родителей. Они завещали Егору. Все. Двухкомнатную квартиру в центре. Дачу. Машину – она, правда, сгорела вместе с ними.

Диме – вообще ничего. Зависть – мотив для убийства?

Мотив.

А если учесть, что Кузнецов – наследник первой очереди и в случае убийства получит все имущество Егора...

Оставалась проблема – самоубийство Егора могло оказаться *самоубийством*. В других ситуациях Гладышев бы порадовался и закрыл дело за отсутствием состава. Но такие удачи случаются раз в жизни – если сейчас он не получит сатисфакцию, то не получит ее никогда.

Гладышев внимательно изучил материалы. Егора нашли повешенным. В лесу. Возле психушки, где он лечился последние несколько лет. Персонал заявил, что ничего не видел. Что все было спокойно.

Понятно.

На шее – две борозды веревок. Такое бывает – передумаешь, начнешь вырывать – вот тебе и две борозды. Но чаще свидетельствует о том, что покойный во время повешения *уже* был задушен.

К тому же – в палате под кроватью покойного нашли целый схрон антипсихотиков. По словам экспертов, их бы хва-

тило на десяток самоубийств. Почему тогда петля? То, что она *болезненнее* таблеток, понятно даже сумасшедшему.

Оставалась одна проблема. Записка. Предсмертная. Которую нашли в кармане Егора. «В моей смерти прошу никого не винить. Это все равно было неизбежно».

Гладышев крикнул. Если записка настоящая, то...

Если записка настоящая, то будем думать, сказал себе Гладышев. И назначил графологическую экспертизу. А вот если она подтвердит, что записка написана *не* Егором, Кузнецову точно не поздоровится.

Женя замерла на пороге:

– Такое ощущение, что здесь кто-то был...

– С чего ты решила? – спросил Дима.

Женя замялась.

– Даже не знаю. Просто... Коврик неаккуратно лежит, – указала она на пол, – и вообще тут все такое...

– Какое?

– Бардак. Будто кто-то что-то искал.

Дима усмехнулся. Женская интуиция. Делаящая правильные выводы из ошибочных посылок.

В прихожей был бардак. Совершенно нормальный. Совершенно нормальный для квартиры Егора.

Половая тряпка – «коврик» – лежала в метре от входа, возле стенки, будто в квартиру заходили не люди через дверь, а призраки через кирпичную кладку. По полу разбросаны листовки, которые «молодые развивающиеся кампании» подбрасывают в почтовые ящики. Обувная ложка торчала из цветочной вазы, а изношенные кроссовки валялись на новеньком пуфике, который будто сам не понимал, как оказался в таком запустении.

Это Дима видел сто раз – с годами Егор приобрел отвращение ко всему материальному, и в первую очередь к правилам культуры быта. Странность была в другом – напротив

входа была дверь в ванную. Старорежимная, с проржавевшей защелкой. Абсолютно ненужной – большинство людей не закрывают ванную *снаружи*.

Кроме Егора – который с детства боялся, что из ванной могут вылезти призраки. Или монстры. И всегда запирает дверь. Всегда.

А сейчас ванная была открыта.

Дима помедлил, думая, стоит ли рассказывать все это Жене.

– По поводу коврика можешь не беспокоиться – у Егора всегда был страшный бардак, – решил он не пугать девушку.

Женя кивнула, но, видимо, не поверила.

Дима вдохнул воздух. Затхлый. Не так, как в детстве. Или кажется – ситуация навевает?

Может быть. Их квартира. Квартира их детства. Родители завещали Егору. Дима был не против – у него и так все есть. И дача ему родительская не нужна – ее, в отличие от квартиры, он никогда не любил...

Дима прошел в зал. Щелкнул выключателем. Зажег свет на кухне. Вспомнил, что в хрущевках выключатели всегда расположены *странно*. Наконец, нашел нужный. Зажег свет в большой комнате.

Огляделся.

Ковер. Комод. Стул. Стол. Письменный, наверное. Тахта. Книжные полки. В большом количестве. Забитые доверху.

Потолок оклеен обоями. Часы на стене. Старые. Остановились. Или давно уже не ходили. Пока родители были живы, Дима так и не удосужился сделать ремонт. Не хотели. Говорили, что на их век хватит. Не старые еще были. Может, что-то чувствовали.

После их смерти Егор не стал ничего менять. И окна мыть не стал. И пол. И пылесосить.

Повесил на стену фаравахр. Символ зороастризма. Человек в крылатом круге.

Дима потоптался на месте. Заскрипели полы. Глядя на это запустение, он понял, почему так зациклен на внешних элементах успеха. Чтобы *максимально* дистанцироваться от Егора.

В женских журналах, которые до сих пор покупала Ира, писали, что близнецы бывают двух типов. Первые полностью копируют друг друга. Одежду. Повадки. Привычки.

Обожают, когда их путают.

Вторые – с пеленок требуют, чтоб их одевали по-разному. Сепарируются. Выбирают разные фильмы. Разных женщин.

«Кто-то голосует за Жириновского, кто-то за Зюганова» – шутила автор статьи.

Или не шутила.

Сейчас Дима понял, что до шестнадцати они с Егором были братьями первого типа. А потом в одночасье перешли во вторую категорию.

– Ну что? – вывела Женя Диму из задумчивости. – Вы

представляете, где Егор мог хранить рукописи?

Дима помотал головой.

– Не знаю. Но лучше начать с комода.

– Комода?

– Хранить рукописи на полках – это для моего брата слишком очевидно, – усмехнулся Дима.

Женя подошла к комоду. Попыталась открыть дверцу ключом. Снова попыталась

– Заклинило, – сказала она.

– Давай я, – Дима аккуратно отодвинул Женю в сторону и попытался открыть дверь сам. Безуспешно.

– Ну как? – усмехнулась Женя.

– Секунду...

Дима просунул ногти под нижний угол дверцы, приподнял ее, и та, наконец, открылась.

– Белье, – пробормотал Дима.

– Я кажется, начала понимать логику вашего брата.

Женя вывалила белье на пол. За ним стояла широкая картонная коробка. Женя вытянула коробку наружу.

– Уберите, пожалуйста, – кивнула она на пол.

Дима, немного удивившись внезапной сатурналии, сгреб белье в комод.

– Что там?

– Фотографии какие-то, рисунки.

Женя достала один из рисунков. Дима заглянул ей через плечо. Там были разноцветные квадраты, которые, по замыс-

ду автора, должны были изображать обнаженную женщину.
– Баба его, – прокомментировал Дима. – Или фантазия на тему бабы.

Женя поморщилась, но промолчала.

Пока Женя рассматривала геометрическую бабу, Дима, порывшись в коробке, нашел копию фотографии. Той самой. Которую Егор зачем-то попросил поставить себе на могилу.

Закончив с коробкой, Женя все-таки направилась к книжным полкам. Зачем-то повертела в руках «Приключения ослика Маффина» – первую книжку, которую они с Егором прочитали в детстве. Дима решил осмотреть сервант. Там не было ничего – кроме таракана, почившего на дне хрустальной супницы.

Когда Дима попытался «взломать» шкаф для одежды, Женя легонько дернула его за руку.

– Что еще?

– Слышите? – Женя указала пальцем вверх.

Дима остановился. Прислушался. Сверху раздавался какой-то скрежет.

– Крысы, – сказал он. – Или кошки.

Женю ответ не успокоил.

– Да точно кошки. Они постоянно там сидят. Мы, когда в детстве по чердаку лазили, кого там только не видели.

Женя кивнула, но волноваться не перестала. Снова направилась к полкам.

Дима доломал шкаф, но внутри не оказалось ничего ин-

тересного. Женя закончила с полками – или поняла, что пытаться там что-то найти – пустое дело.

Они перешли спальню. Пыль. Страшная. Дима закашлялся и, переборов раму, сумел открыть окно.

– Странно, – пробормотала Женя.

– Что странно?

– В той комнате такой пыли не было.

– И что с того?

– Просто вдруг...

Дима, кажется, понял, к чему она клонит.

– Ты опять про то, что после смерти Егора тут кто-то мог побывать?

– Ну, а вдруг...

– И зачем он устроил уборку большой комнаты? Чтобы Егору легче в могиле лежалось?

– Нет. Чтобы на мебели в той комнате не осталось таких следов.

Женя провела пальцем по журнальному столику, оставляя на нем заметный отпечаток.

Дима задумался. В словах Жени что-то было. И еще задвижка на двери в ванную... Отвлечшись на поиск рукописи, Дима и думать о ней забыл. За то время, что они не виделись, привычки Егора вполне могли поменяться... Но на самом деле – почему задвижка была не закрыта? Это, конечно, мелочь...

Из окна начал дуть ветер. Занавески заколыхались. *Ненри-*

ятно заколыхались. Сквозняк? Но откуда он в герметично закрытой квартире...

Закрытой?

Послышались шаги. Из прихожей.

– Кто... – начала Женя, но Дима закрыл ей рот ладонью.

Они замерли. Послышалось?

Может быть...

Нет. Скрипнула половица. Кто-то – кто? – идет в сторону спальни...

Женя мелко задрожала. Дима вспомнил детство. Когда они оставались с Егором одни. Сидели здесь и боялись ба-рабашку.

Но кто-то действительно приближается к комнате...

– Мне ж не пять лет, – пробормотал Дима и направился к двери.

Не успел. Дверь открылась сама. Женя завизжала.

Как и уродливая фигура, стоящая на пороге комнаты.

6

После звонка Ибрагима Гладышев решил погрузиться в приятные воспоминания.

За прошедшую неделю он сделал немало.

Сначала – не отказал себе в удовольствии – вызвал на допрос брата покойного. Помариновал в коридоре, а когда разрешил входить, специально уткнулся в бумажки. Видел, как Кузнецов входит в кабинет, твердо идет к столу, как садится – без разрешения – и хочет поскандалить, что следовательно отнимает его драгоценное время. Это УЖЕ веселило Гладышева, но еще больше он обрадовался, когда оторвался от бумаг и увидел, как зеленеет подследственный. Кузнецов его узнал, невозможно не узнать человека, который... Не важно.

– Здравствуйте, Кузнецов... э...

– Вы прекрасно знаете, как меня зовут, – бросил тот. Страх сменился яростью. С таким Гладышев сталкивался.

– Все-таки не могли бы вы представиться. Работа у нас сложная, напряженная, всех малолетних уголовников не упомнишь...

Пользы допрос не принес. Кузнецов запирался, отвечал скупой, заявил, что не общался с братом, но самоубийство Егора его совершенно не удивило. Гладышев спросил, почему Кузнецов решил, что речь идет о самоубийстве, но подзреваемый уже собрался и интересной эмоциональной реак-

ции не дал.

Следующим был психиатр Егора Лурц. С ним Гладышев встретился в больнице – если хочешь расположить свидетеля, лучше явиться по месту работы.

Лурц оказался человеком без возраста, но наведший справки Гладышев знал, что тому около сорока. Старый поношенный халат, сухие руки. Очки в роговой оправе – настолько старомодные, что Гладышев предположил, что они без диоптрий и носятся доктором лишь для солидности.

Лурц поначалу запирался, но, осознав, что Гладышев – не проверка из Минздрава, стал отвечать охотнее.

– Как вы можете охарактеризовать отношения Егора Кузнецова с его братом Дмитрием?

– Это сложный вопрос, и...

– И?

– И я не уверен, можно ли на него отвечать. Все, что я знаю про Егора, охраняется врачебной тайной.

– Как врач, вы должны понимать, зачем она нужна.

– И зачем же? – усмехнулся Лурц.

– Чтобы не навредить пациенту.

– Не совсем понимаю, к чему вы клоните.

– Егор мертв, и вы не сможете ему навредить. Зато сможете нанести вред кому-то еще.

– Себе, как я понимаю?

Гладышев решил ослабить хватку.

– Поймите, я не хочу вас запугивать, но сейчас, – Глады-

шев решил приукрасить реальность, – есть неоспоримые доказательства, что в ту ночь произошло именно *убийство*.

Лурц задумался.

– Ладно. Что именно вы хотите узнать?

– Какие отношения были у Егора с братом?

– А полегче у вас вопросов нет?

Лурц замолчал. Гладышев понял, что сейчас лучше не давать.

– Сложно сказать, – заговорил наконец врач. – В целом – напряженные, но между больными и родственниками взаимопонимания нет почти никогда.

Гладышев понимающе кивнул.

– Правда, – продолжил Лурц, – с Егором была некоторая странность.

– Странность?

– Да. Причина психического заболевания часто кроется в условиях социализации. Взросления. Практически у каждого больного есть опыт телесных наказаний, родительского алкоголизма, а в случае с сиблингами...

– Сиблингами?

– Братьями и сестрами, – пояснил Лурц. – Наблюдается целый букет деструктивных отношений.

– А в случае Егора?

– Егор вырос в любящей семье. У обоих родителей высшее образование. И с братом они были не разлей вода. Долгое время.

– А потом?

– А потом поссорились.

– Вы установили причину?

– Когда мы подбирались к этому вопросу, Егор уходил
себя, а потом вел себя деструктивно. Один раз подрался
с соседом по палате. Потом вылил на себя кипяток в столо-
вой. И я оказался перед дилеммой.

– Дилеммой?

– Я понимал, что здесь кроется корень к его излечению.
Но боялся нанести ему непоправимый вред. Как видите,
Егор в итоге справился без меня.

Лурц грустно усмехнулся. Замолчал. Надолго. Гладышев
решил это молчание прервать:

– Вы будто чувствуете какую-то вину...

– Я порой думаю, что бы было, вытяни из него я ту са-
мую занозу. Хотя это и непрофессионально – так погружать-
ся в пациента. Хотите посмотреть картинки?

– В смысле? – удивился Гладышев. Переход произошел
слишком резко.

– Картинки.

Лурц подошел к шкафу, вытянул оттуда совершенно со-
ветскую папку и аккуратно положил ее на стол.

– Сообразив, что Егор не хочет разговаривать о проблеме
с братом, я попросил его эту проблему нарисовать.

Врач достал из папки лист А4 и протянул Гладышеву.

На рисунке были изображены две фигуры. Человеческие.

Мужские. Наверное.

Сказать было сложно – рисунок был грубым, будто рисовал его пятилетний ребенок, у которого из игрушек только краски и пивные бутылки. Но общая мысль угадывалась. Левая фигура была белая, почти нетронутая краской. Правая – впитала в себя все оттенки темных и неприятных цветов.

– Кто это? – спросил Гладышев.

– Ахура Мазда и Ангра Майнью.

– Кто?

– Зороастрийские боги. Демиурги. Создатели вселенной.

Они определяют соотношение в мире добра и зла. Ахура Мазда отвечает за все хорошее, а Ангра Майнью...

– За все плохое, – догадался Гладышев. – Но какое отношение эти боги имеют к Егору?

– По легенде Ахура Мазда и Ангра Майнью – близнецы. И мне кажется, вы тоже догадываетесь, кого Егор мог считать злым богом своей жизни.

– Тамара Михайловна, вы бы хоть предупредили...

– Будто я твой теперешний телефон знаю.

«Уродливой фигурой» оказалась соседка снизу. Тамара Михайловна. Дима хорошо помнил эту старушку. С нее в далеком детстве началась их с Егором братская дружба. Папа улетел в командировку. Маму положили в больницу. Посидеть с детьми попросили Тамару Михайловну.

Та оказалась женщиной доброй, но со своими представлениями о воспитании. Когда однажды Тамара Михайловна ушла на рынок за продуктами, Дима с Егором начали кидаться подушками и разбили вазу. Роковой бросок сделал Егор.

Когда Тамара Михайловна вернулась и стала выяснять, кто виноват, Дима взял всю вину на себя. По привычке – они с Егором часто так делали. Обычно за этим следовали нотации. В крайнем случае – угол. Тамара Михайловна поступила иначе.

Схватив Диму за ухо, она переложила его через колено и отодрала отцовским ремнем. Как сидорову козу. Было больно, но за всю экзекуцию Диме даже в голову не пришло сказать правду. А Егор, наблюдавший за всем этим со слезами страха, был по-настоящему восхищен мужеством брата.

С тех пор они вписывались друг за друга всегда, какие бы последствия их не ожидали. А с Тамарой Михайловной,

у них, на удивление, отношения ни капельки не испортились.

– Я только в комнату захожу, а тут вы. Я и заорала, – рассмеялась Тамара Михайловна.

Они сидели на кухне и пили чай. Вернее, чай пила только Женя. Тамаре Михайловне в кофе плеснули коньяку, чему она была несказанно рада. Дима тоже решил пригубить, и «губил» давно, по-новому напиваясь после пережитого стресса.

– А мы уж подумали, что это призрак, – рассмеялась Женя.

Тамара Михайловна напряглась.

– Призрак, говорите?

– А что такое?

– Да просто я ж не зря в вашу квартиру пошла.

Женя с Димой переглянулись. Тамара Михайловна продолжила:

– Ты меня, Димка, конечно, извини, но нехорошая у вас квартира стала после смерти родителей.

– Это вы про пьянки Егора?

– Пьянки твоего брата непутевого – это понятно. Но когда человек живет и шум сверху слышен – это одно. А когда человек умер и продолжается все то же самое...

– Что продолжается?

– Тут долго рассказывать, – застеснялась почему-то Тамара Михайловна.

– Мы никуда не спешим, – быстро сказала Женя.

– Ну ладно. Только вы меня совсем уж за дуру не держите...

– Не будем, – улыбнулась девушка.

– Дим, а она, – указала Тамара Михайловна на Женю, – знает, что брат твой был...

– Ненормальный? Знает.

– Тогда слушайте. Ты, меня, Дима, конечно, прости, но Егорка твой всегда набекрень был.

Дима усмехнулся.

– Когда еще родители ваши были живы – в узде его держали. А как померли – так все. И самое интересное – месяц шум, месяц – затишье. И опять. Я только потом узнала, что это он в больничке время проводит – когда жаловаться на него ходила. Так вот.

Тамара Михайловна еще немного помолчала.

– Где-то с месяц назад снова было затишье, а потом – не крики, не пьяный базар – а скрип, скрежет, будто ходит кто-то. Ходит и ходит – мне-то какое дело. Но времени – два часа ночи. Я значит, пошла разбираться.

Постучала в дверь – никто не открывает. Снова стучу – чувствую, затаился там кто-то. Тут соседка из квартиры напротив вылезает. Спрашивает, чего стучу. Я отвечаю, что Егорка снова приехал. А она мне такая – а он умер.

Я к себе пошла, думала, послышалось. И действительно – тишина. На следующий день как-то забыла, закрутилась. А вечером ложусь – сон вообще не идет. Лежу, думаю

о всяком. И вдруг слышу – снова скрежет, только на этой раз тихий-тихий... и на следующую ночь было.

А сегодня – снова звуки. В непривычное время. И снова сильные такие, громкие. Ну и пошла – еще только вечер, не так страшно. И дверь открытая, а тут – вы...

Тамара Михайловна замолчала. Рассказ пожилой женщины пробрал даже Диму, на Жене не было лица. Тамара Михайловна это заметила.

– Да ладно тебе, – по-свойски толкнула она девушку в плечо, – мало ли, что мне, старой, могло послышаться. Я сама буду скоро как Егор – не понимать, что происходит. А что это тут у вас?

Тамара Михайловна, решила сменить тему и указала на фотографию Егора, которую Дима с Женей нашли в коробке.

– Фотография, – ответил Дима. – Копия той, что он на могилу просил поставить.

Тамара Михайловна закашлялась.

– Странно... – помрачнела она.

– Что странно?

– Странно, – ответила Тамара Михайловна хриплым голосом, – что на свою могилу он попросил поставить *твою* фотографию.

Несмотря на дождь за окном, Гладышев был в хорошем расположении духа. Позвонил Ибрагим, сказал, что Кузнецов сорвал охранную пломбу. Гладышев и так не сомневался, что Кузнецов это сделает, но все же...

Когда Гладышев потребовал у Кузнецова ключи от квартиры Егора (ключи самого Егора куда-то подевались), тот заявил, что пустит Гладышева в квартиру только с санкции прокурора. Гладышев сказал, что санкция будет, и велел опечатать дверь. Теперь Кузнецов проник в квартиру сам. Проник незаконно, до проведения следственных действий. Это *уже* было нарушением уголовно-процессуального кодекса и позволяло привлечь того к ответственности, но при хорошем адвокате...

Кузнецов отделается штрафом. Максимум – арест. А вот если повернуть дело так, что Кузнецов специально отказал предоставлять доступ, чтобы уничтожить улики...

Прокурору должно понравиться.

Гладышев подошел к сейфу, извлек оттуда бутылку коньяка и налил содержимое сосуда в бокал.

Раздался стук в дверь. На пороге стоял Ибрагим. Запылавшийся.

– Выпить хочешь? – спросил Гладышев.

– Что? – он удивленно посмотрел на следователя. – Нет.

То есть... Не сейчас. Вот.

Ибрагим отдышался и вынул из-за пазухи какой-то конверт.

– Что это? – спросил Гладышев.

– Это, – сказал Ибрагим, – только что нашли у дверей отделения.

Гладышев взял конверт. Легкий. Влажный от воды. На лицевой стороне, как в шпионских сериалах, газетными вырезками выложена фраза: «Следователю, ведущему дело об убийстве Егора Кузнецова»

– Судя по камерам наблюдения, – продолжал Ибрагим, – оставивший конверт был в лыжной маске. Установить что-то еще из-за непогоды не представляется возможным.

Гладышев вынул из конверта небольшую записку. Вгляделся в почерк... Вчитался – и от удивления на мгновение выпал из реальности.

– Петр Ефимович, – напомнил о себе Ибрагим. – Что-то случилось?

– Случилось, – улыбнулся Гладышев Ибрагиму. – Еще как случилось.

Дима брел по улице. Сверху лил дождь. Незаасфальтированные участки дорог превратились в грязь. Холодный воздух перехватывал дыхание.

Он так и не понял, зачем отпустил Женю. Хотел протрезветь? Вряд ли. Скорее, надо было обдумать.

Всё.

И конкретно то, что сказала Тамара Михайловна.

Соседка была уверена, что на фотографии именно Дима – она сама ее делала.

После того раза родители часто оставляли ребят с ней. Как-то раз они втроем решили сходить в парк. Но ночью Егора просковозило, к утру температура была тридцать восемь, и в парк он идти не мог. Егор расстроился и заявил, что тогда в парк не должен идти никто. Тамара Михайловна заявила, что Егор – эгоист, и она пойдет с Димой в парк просто из принципа. А Дима смалодушничал и не поддержал брата. Там и была сделана эта фотография.

– Я тебе никогда этого не забуду, – обиженно сказал тогда Егор.

Потом ситуация забылась. Или нет?

Почему Егор выбрал именно эту фотографию? Хотел отомстить? Или в глубине души мечтал, чтоб это была *его* фотография?

С ходом болезни Егор менялся – на место тонкого ранимого мальчика приходил жестокий и саркастичный циник.

– Трикстер, – говорил сам о себе Егор.

Это типа шута, Джокера, прочитал Дима в Википедии.

Похоже на правду – шутки, которые Егор считал по-настоящему смешными, казались таковыми только ему самому.

Однажды он позвонил среди ночи, заявил, что у него большое горе, и если он будет оставаться один, то наложит на себя руки. Дима тут же примчался к брату. Посреди квартиры стоял затянутый атласом дубовый гроб. Наверху – Димины фотографии. С траурной лентой и годами жизни, которая обрывалась в этот день.

Когда Дима спросил, что здесь происходит, Егор рыдающим голосом ответил:

– У меня больше нет брата.

Потом помолчал и добавил:

– Для меня это такая трагедия, что я готов разделить ее даже с таким говнюком, как ты.

И заржал.

Дима посмотрел на него. Покрутил пальцем у виска. Ушел.

Зарекся больше не приходиться к нему по первому зову.

Зарекся, понимая, что обещания не сдержит.

Ублюдок.

В другой раз Дима не смог прийти на новогодний корпоратив собственной компании. Егор – как только узнал, ско-

тина – заявился сам, устроил пьяный дебош и уволил бухгалтера Клару Семеновну за то, что та отказалась ему отсосать. Положение спасла явившаяся чуть позже Женя. Она знала Диминову ситуацию, она все разрулила. Но осадочек остался.

Как и у заказчика из мэрии, которому нужна была система типа московского «Активного гражданина». Которому Егор сказал:

– Ну как тебе?

– В смысле? – удивленно спросил заказчик.

Дело было на деловом ужине, рядом с заказчиком сидела его жена.

– Та стервочка, – пояснил Егор. – Рыжая. Которую мы с тобой в баньке...

Егор выразительно ударил ладонью в кулак.

Повезло, что Дима встретил их буквально через минуту. На выходе из ресторана. Все объяснил.

И то, что заказчик был геем и при помощи жены лишь маскировался.

Когда Дима спросил брата, зачем он все это делает, тот ответил:

– Хочу вывести тебя из зоны комфорта.

Придурок.

За раздумьями Дима подобрался к дому. Промок до нитки. В ботинках хлопало. В не-копеечных, между прочим, ботинках.

Высотка. Улучшенная планировка. Стены – кирпич. Для

их города – элитное жилье. В окне мелькнула Ира.

С которой Диму тоже познакомил Егор.

Несмотря на свои особенности, Егор притягивал женщин как магнит. С Ирой – она тогда праздновала то ли медиум, то ли выпускной – он познакомился в баре. Сказал, что занятой бизнесмен. Что пусть звонит сама.

И продиктовал ей Димин номер.

Когда Дима с ходящей туда-сюда от гнева челюстью явился к брату, чтобы спросить, какого лешего тот лезет в его личную жизнь, Егор ответил:

– Тебе нужнее.

Потом выхватил у Димы телефон, набрал Иру, и, снова прикинувшись Димой, сказал, что несмотря на «неловкую ситуацию», ему было бы интересно встретиться с девушкой и пообщаться.

Дима попытался забрать у Егора мобильник, но тот повесил трубку, а затем, с хохотом убегая от брата по квартире, вытянул сим-карту и торжественно разломал ее.

На свидание пришлось идти просто для того, чтобы объяснить Ире сложившуюся ситуацию, но встреча прошла хорошо, а спустя месяца три они подали заявление в ЗАГС.

На свадьбе Дима спросил:

– Вот объясни мне, каким ты, сука, образом, умудряешься постоянно всех убеждать, что ты – это я?

Брат решил отшутиться:

– Я Егор, я умею объегоривать.

– А серьезно?

Егор задумался.

– Даже не знаю. В эти мгновения я просто верю, что я – это ты.

Дима нахмурился.

– Ладно, не ты. Худшая часть тебя. Поэтому мне все и верят. В каждом человеке живут свои демоны, а я, по сути, твой демон и есть.

...Дима докурил сигарету. Потушил о лавочку.

Давно не курил.

Начал дня три назад.

Зашел в подъезд. Лифт – элитное, мать его, жилье – не работал.

Поднялся на свой этаж. Пешком. Как в хрущевке.

– Как прошло? – спросила вежливо Ира, хотя, судя по ее наряду, этот вопрос интересовал ее в последнюю очередь.

На супруге был коротенький плюшевый халат, открывающий безупречно красивые ноги. В квартире было тепло – уже всюю топили – и Дима знал, что под халатиком ничего нет, вообще ничего, только покрытое тонкой пленкой испарины восхитительное Ирино тело.

Он пробормотал что-то неразборчивое, притянул девушку к себе...

– Мне, наверно, помыться надо, – пробормотал он после долгого поцелуя.

– Не помешало бы, – улыбнулась Ира, уткнувшись носом в его подмышку и выпуская из кулачка Димины причиндалы.

Дима отправился в душ, подставил окоченевшее на промозглой улице тело под горячие струи воды... Начал трезветь.

Что происходит? У него похороны брата. Ну ладно он, он пьяный, но Ира?

(Ну он тоже, конечно, но Ира?)

Их медовый месяц после свадьбы длился год. Они с неутомимостью средневекового алхимика исследовали свои тела. Искали ключи друг к другу. Находили. Радовались. Пускались в новые поиски.

Когда все пошло на спад, Дима так и не понял. Ира стала жаловаться на головную боль. Все чаще – хотя Дима прочитал в интернете, что «головняком» после секса обычно страдают мужчины. Да и сам он стал понимать – мнение глянцевого журнала о том, что мужчина хочет всегда, не соответствует реальности.

Это было обидно и неудобно. Как мужикам в бане скажешь? Никак. Дима даже думал разжечь огонь собственной страсти, заведя женщину на стороне, но... У него все-таки есть совесть. А еще брачный контракт.

Все изменилось полгода назад. Где-то так. Ира стала хотеть секса как школьница, у которой все подружки уже, а она всё еще никак. Потребность была сильной, малонасыщаемой, вызывала у Димы уже забытое ответное желание исследовать.

довать каждый сантиметр ее молодого тела...

Ты сегодня похоронил брата, напомнил себе Дима.

Егор был бы только рад за тебя, сказал себе Дима...

Второй Дима победил. Он вышел из ванной в хорошем настроении. Обернув вокруг бедер небольшое полотенце.

Но, услышав мелодию звонка, интуитивно понял, что планам на интим сбыться не суждено.

– Алло. Это Дмитрий...

– Кузнецов, – сказал Дима. – Да. Это я.

– Гладышев. Петр Ефимович. Вы меня узнали?

Дима промолчал. Дима не хотел играть в эти игры.

– Узнали, – сказали в трубке. – У меня для вас хорошие новости. Появились новые улики в деле об *убийстве* вашего брата.

– Серьезно? – хмыкнул Дима.

– Сам в шоке. Буду ждать вас завтра в десять в своем кабинете. Прошу не опаздывать.

Дима повесил трубку. Со стороны выглядело глупо и «не по-мужски», но желание пропало. Любое. Он слишком хорошо знал Гладышева. Он знал, что тот может разрушить ему жизнь. Как разрушил тогда – пятнадцать лет назад.

А еще Дима нутром почувствовал, что со смертью Егора «братские шутки» не прекратятся.

Он вспомнил, как сегодня, на похоронах, поцеловал Егора в лоб. На автомате. Потерял бдительность. А сейчас будто наяву услышал:

– Того, кто прикоснется к телу усопшего, ждут самые страшные муки на свете.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

1

– Погодка не гулятельная, – весело сказал Гладышев, закрывая окно.

Шум дождя стал тише.

Гладышев сел. Уставился на Диму. Тот огляделся. ДСП-шный стол. Сейф. Лампа – такую в фильмах направляют в лицо подозреваемому. Портрет президента.

Он уже был в таких кабинетах. Раньше. Ничего не изменилось. Облезлая краска на стенах. Табак. Постоянный стук дверей за стенами. Даже президент тот же – хотя раньше Дима на что-то надеялся.

Погоду с Гладышевым он решил не обсуждать.

– Вы давно закончили школу? – вежливо поинтересовался Гладышев, заполняя допросный лист.

– Это имеет отношение к делу?

– На общественном знании вам должны были рассказывать о том, что препятствовать следствию при проведении уголовно-процессуальных действий...

– Вы про сорванную пломбу? – догадался Дима.

– А откуда вы знаете про пломбу?

Дима замолчал. Понял, что...

– Вчера вечером, – сказал Гладышев, – кто-то сорвал пломбу с двери квартиры вашего брата. Мы сначала на хулиганов подумали, но если это вы...

Он все знает? Или пытается вывести из равновесия?

– Насчет пломбы не уверен, – начал Дима, стараясь не закопать себя глубже. – Вчера вечером были похороны Егора, я расчувствовался, поехал к нему... Но пломбы там вроде не было – так бы я, конечно, не стал...

– Интересная история. Правда, суд скорее поверит данным оперативного наблюдения.

– Мне казалось, – не выдержал Дима, – вы хотите обсудить со мной смерть брата. Если беспокоят пломбы, лучше обратиться к дантисту.

– Ценю ваш юмор, но если вы *когда-нибудь* окажетесь за решеткой, лучше держать его при себе. Стоматологи там ни к черту, а вот массаж простаты...

Дима вздрогнул. Как афганец при резкой вспышке. Гладышев знал, куда бить.

Соберись.

– Если бы я хотел поговорить о докторах, – сказал Дима сухо, – я бы пошел в районную поликлинику. Но вчера вы что-то говорили про новые улики...

– Говорил, – Гладышев порылся в столе и вынул какой-то лист. – Как вы можете это прокомментировать?

Протянул лист Диме. Две уродливые фигурки. Черная и белая.

– Ваш сын? Он неплохо рисует – если ему, конечно, не двенадцать.

– Еще одна шуточка с вашей стороны, – рассвирепел Гладышев, – и я найду причину упечь вас на трое суток. Ответьте на вопрос.

– Я не знаю, что это.

– Это рисунки вашего брата...

– Не думал, что он еще и художествовал. Это те зороастрийские боги?

– Ахура Mazda и Ангра Майнью, – кивнул Гладышев.

– А если бы Егор носил шапочку из фольги, вы бы и это пришили к делу?

– Если бы его похитили инопланетяне – да. Но Егора убили. Земные существа. С которыми он – возможно – был в близком родстве. Поэтому советую ответить, почему на просьбу изобразить брата, Егор нарисовал зороастрийское олицетворение зла.

– Вы уверены, что злобное божество – это я?

– В смысле?

– Просто – и это подтвердит любой – Егор считал злобным братом *себя*.

– Заключение психиатра говорит об обратном... – сказал Гладышев.

Неуверенно. Дима едва не рассмеялся. Детские рисунки? Серьезно?

– Если мазня Егора – единственное, что может предъявить

мне следствие...

– Допустим, – перебил Гладышев.

Усмехнулся. *Плохо* усмехнулся. Снова порылся в столе. Достал какой-то конверт. С неаккуратно вырезанными газетными буквами на лицевой стороне.

– А как вы прокомментируете это?

– А это еще что? – Дима сглотнул. Дима отчего-то знал, что *это* он прокомментировать не сможет.

Гладышев помолчал. Выдержал паузу. Потом сказал:

– Письмо. От вашего брата.

2

«В моей смерти виноват мой брат, и никто иной. Я не знаю, как он меня уничтожит, но, надеюсь, вы будете более прозорливы»

– Что это? – продребезжал адвокат, поправляя сухими руками очки.

– Записка. От моего брата. Покойного.

Дима замолчал – адвокат тоже.

– И? – наконец спросил адвокат.

– Что «и»?

– Голубчик, если это все, что вы готовы рассказать по существу вопроса, вам лучше обратиться к экстрасенсу.

– Не все... – пробормотал Дима.

– Замечательно. Давайте начнем сначала. Кто вы вообще такой?

Лучший в городе уголовный адвокат Геннадий Викторovich Шигорин производил впечатления деда. Который живет в деревне, носит собачий пояс и охотится на пчел. Кричит в трубку телефона, чтоб было лучше слышно. Не может разобраться, как работает инфокиоск в собесе. Спасти адвоката мог цепкий взгляд мудрых глаз, но очки с чудовищными диоптриями делали его похожим на кота из Шрека.

Говорил он тихо, «скрипел». Кабинет был обставлен бед-

но, будто здесь жил наркоман и выносил вещи, чтобы вмазаться. Стол, два стула, полка с папками. Дранный ковер – годный лишь на то, чтоб спрятать под него пыль.

Или вынести в нем труп.

Еще плешивое кресло – «страшная подружка», на фоне которой даже Шигорин смотрелся современно.

В кресле сейчас сидела Женя.

Посоветовавший Шигорина приятель сказал так:

– Ты, главное, по сторонам не смотри. Геннадий Викторович – Диоген: гений, но совершенно не интересуется внешним лоском.

– А он рукоблудить при нас не начнет?

Приятель прикола не раскусил.

– Не должен. А что?

– Не важно. И сколько берет?

– По ситуации. Если туго с деньгами, может и бесплатно взяться. Меня ободрал как липку. Тебя тоже обдерет.

– Думаю, если речь идет о том, чтобы избежать судимости... – влезла Женя.

– Вы губу не раскатывайте. Он не волшебник. Максимум – получишь условку.

– Но я же ничего...

– Условка – это считай оправдали, – твердо сказал приятель. – Ладно. Побежал.

Приятель ушел. Женя размешала соломинкой смузи.

– Дима, вы точно уверены, что хотите обратиться к этому

Шигорину? – спросила Женя.

– ... Вот, и теперь еще это письмо.

Дима постарался сформулировать максимально кратко. Как мог. Заняло минут пятнадцать – плюс выпады в адрес Гладышева.

– Простите, что влезаю, – сказала Женя, – но по поводу Гладышева...

– Что «Гладышева»? – проворчал Дима.

– У вас с ним такие напряженные...

– Это не обсуждается.

– ...отношения. Вы не думали об этом... как его...

– Личной заинтересованности следователя? – сообразил

Шигорин.

– Ага, – кивнула девушка.

– Не вариант, – сказал адвокат. – В нашей стране институт самоотвода работает... как бы так...

– Понятно, – усмехнулся Дима.

– В общем, если Гладышев сам не захочет его взять – а он, как я понимаю, не захочет...

– Давайте вернемся к делу, – сказал Дима.

Шигорин снова взял в руки Димин смартфон – сделать копию Гладышев не дал, но Диме удалось сфотографировать записку.

– Письмо пришло *после* смерти брата? – уточнил Шигорин.

– Да.

– Как этот факт объясняет следствие?

– Каком кверху, – сказал Дима. – Гладышева этот вопрос не беспокоит.

– Его может беспокоить что угодно, но в суде ему придется доказать, что письмо прислано именно Егором.

– Почерк точно Егора – мы пятнадцать... даже восемнадцать лет вместе жили.

– Но как оно попало к следствию?

Дима задумался.

– Если Егор покончил с собой и решил свалить вину на меня, то мог попросить своих друзей...

– «Покончил с собой и решил свалить вину»? – спросил Шигорин.

– Это моя главная рабочая версия, – усмехнулся Дима.

Рассказал о взаимоотношениях с Егором.

– Понятно, – вежливо не-удивился Шигорин. – Когда вы видели брата в последний раз?

– В день смерти. Незадолго до. Я навещал его... перед побегом.

– Вам не показалось его поведение странным?

– Оно *всегда* казалось мне странным. Хотя...

Шигорин дал Диме собраться с мыслями.

– В тот день он был реально «не такой». Обычно в больнице Егору становилось лучше. За месяц – точно. Казался нормальным человеком.

– А в день смерти?

– Он выглядел так, будто только туда поступил.

– Кричал, проявлял агрессию?

– Шептал, – усмехнулся Дима. – В приступах ему казалось, что вокруг шпионы. Старался меньше говорить. Замыкался в себе. Когда отпускало, говорил, что старается даже не думать – чтобы не подслушали.

Дима помолчал.

– В тот день Егор шептал.

– Вы можете как-то объяснить поведение брата в день его смерти?

– Могу. Матом.

– Не думаю, что суд примет такие аргументы, – улыбнулся

Шигорин. – А если подумать?

– Даже не...

– Помните, вы мне рассказывали? – вступила в разговор

Женя. – С деньгами там, и...

– Да, – вспомнил Дима. – Недели за две до смерти Егор просил у меня денег.

– На что?

– Сказал, что на адвоката. Хотел подать против кого-то иск.

– Очень интересно.

– Вы их дали?

– Нет, – сказал Дима.

Прозвучало грубо.

– Я с врачом его посоветовался, – объяснил Дима. – Лурцем. Он сказал, что сутяжничество – главный симптом болезни. Что деньги только повредят. Что лучше дожидаться выписки, и, если Егор будет настаивать – тогда можно будет отличить реальную потребность от патологии.

– Очень интересно, – сказал Шигорин.

– Что именно? – спросил Дима, хотя и сам начал догадываться.

– Что врач посоветовал не давать деньги, пока Егор не выйдет из больницы. А Егор взял – и не вышел.

3

Ветер из форточки охлаждал обнаженные ноги. Она стояла в центре комнаты. В одной майке. Совсем в одной. И догадывалась, что ее тоже придется снять.

– Чем ты занималась вчера вечером? – спросил Мастик.

Он сам стянул с нее джинсы, трусы, а когда она попробовала прикрыться ладошками, мягко убрал их в сторону. Только майка. Ее тоже придется снять.

– Я...

– Смелее, – усмехнулся Мастик.

Хлопнул ремнем по правой ладошке.

– Я приставала к мужу.

Удар ремня. Бедро. Она сказала что-то неправильное.

– К кому?

– К мужу... К другому мужчине.

– Правильно. У тебя нет мужа. И?

– Он отказал мне.

– Шлюшка, – улыбнулся Мастик. – Тот мужчина оказался рассудительным. Как ты оцениваешь свое прегрешение?

– Я...

– Отвечай, – Мастик приблизился.

Опустил руку вниз. Она не смотрит, не смотрит, не смотрит туда...

Больно. Она закусила губу.

– Ну же, – сказал Мастик.

– Двадцать ударов, – пискнула она.

– Не слышу.

Еще больнее.

– Два... Тридцать ударов.

– Заметь, не я это предложил, – засмеялся он.

Мастик убрал руку. Промежность обдало жаром. Очень больно, но она не имеет права прикасаться руками...

– У вас же ничего не было – хватило бы и десяти. Но раз ты настаиваешь... Ложись.

Мастик, повертев ремень в руках, направился к комоду:

– Этот какой-то неинтересный.

Она стянула майку, прикрыла локтями торчащие, как заячьи ушки, соски. Посмотрела на Мастика.

Содрогнулась – он взял с комода самый тонкий и болезненный ремешок. Тридцать ударов *таким*...

– Мастик, может, не надо...

– Надо. Ложись на кровать.

Она легла. Она попыталась расслабить мышцы ног, чтобы не было так больно...

Мастик подошел ближе.

– А за то, что назвала меня Мастиком, получишь еще десятку сверху.

Удар. Больно. Она взвизгнула.

– Этот не засчитывается, – сказал Мастик.

Удар. Печёт. Терпи.

Удар. Снова.

Передышка. Снова.

Ритм. Возник ритм. Укусы ремня, но...

Он сильный. Он – ой! – защитит. Он...

...Ира прикрыла глаза и стала погружаться в море боли
и удовольствия.

Приглушенный свет. Фруктовый аромат кальяна – его курят в соседнем зале. Громкая музыка из колонок. Неразборчивая. Исключающая, что тебя подслушают. Гладышев сидел в углу и пытался стучать по столу в ритм. Получалось плохо, но настроение от этого хуже не становилось.

Кузнецов сказал, что не будет разговаривать без адвоката. Кузнецову есть, что скрывать.

Гладышев огляделся по сторонам. Старые ободранные столы, дешевый алкоголь, музыка из девяностых. Назначение заведения было столь очевидным, что удивляло лишь отсутствие табличек, прямым текстом говорящих, где здесь трахаются, а где – мажут по вене.

Случайный посетитель мог удивиться, как клуб до сих пор не закрыли. Гладышев знал ответ – Гладышев каждый месяц приходил в заведение за данью. А еще – приглашал сюда свидетелей, которым было нужно развязать язык бесплатным (от заведения) блюдом из обеденного меню.

Таким человеком был Семен. Человеком, который расскажет про Кузнецова больше, чем любой другой.

Дизайнер. Уволенный Кузнецовым. Уволенный «с особой жестокостью».

После корпоратива, на котором Егор, прикинувшись братом, повыкидывал половину сотрудников, все были уверены,

что Кузнецов, выйдя с новогодних каникул, не только восстановит в должности, но и выразит извинения за случившееся. В материальной форме.

Так и произошло. Со всеми, кроме Семена. Которому сказали, что вопрос о его увольнении поднимался давно, и раз уж так получилось...

Абсурд осложнялся тем, что Семену, как никому другому, была нужна эта работа. У него был сын. С врожденной патологией. И толпа израильских клиник, готовых помочь, если Семен срочно оплатит лечение...

От размышлений Гладышева отвлек хлопок двери. Гладышев не знал, как выглядит Семен, но сразу понял – это он. Ухоженный, с блестящим в тусклом свете грязных ламп обручальным кольцом, визитер явно не вписывался в целевую аудиторию заведения.

Семен уверенной походкой направился к Гладышеву. Тот насторожился – свидетель, вопреки ожиданиям, не был похож на человека, побитого жизнью.

– Петр Ефимович? – протянул он в приветствии руку.

– Семен? – улыбнулся Гладышев.

Тот кивнул и сел напротив.

Официант принес заранее заказанные напитки и блюда. Гладышев кивнул, приглашая Семена к трапезе.

– Вы помните Дмитрия Кузнецова? Это ваш...

– Начальник бывший, – кивнул Семен. – Помню. А что?

– Он подозревается в убийстве своего брата.

Семен замер с вилкой у рта.

– Вас это удивляет? – спросил Гладышев.

– Ну... он не похож на человека, способного убить...

– А на человека, способного вышвырнуть на улицу отца больного ребенка?

– Вы про меня?

– Да. С вами тогда поступили, мягко говоря, непорядочно.

– Тут сложно сказать...

– Не вижу сложностей.

Гладышев отложил приборы в сторону. Разговор шел *не так*, и он начал раздражаться:

– Вас уволили из-за шутки кузнецовского безголового брата. А когда вы попытались объяснить ситуацию...

– Если рассматривать ситуацию так...

– А как?

– Тут сложно объяснить...

Семен замолчал. Пригубил бокал вина. Выпил бокал вина. Гладышев щелкнул официанту – Семена нужно было не только разговорить, но и «разбухать».

– Понимаете, – сказал Семен, – я хотел быть иллюстратором. А пошел в дизайнеры. Интерфейсы рисовать. Но это явно не мое.

– Зачем тогда остались?

– Деньги. Светка родила Андрюшу, реабилитация влетала в копеечку. Но ребята, которые со мной начинали, через год имели собственные проекты, а я бултыхался каким-то под-

мастерьем, понимая, что держат меня из жалости.

– Может, из *милосердия*?

– Как не назови, лучше оно не станет. Я сто раз хотел уволиться, и когда приняли решение за меня, испытал облегчение.

– Облегчение?

– Ну такое – рассмеялся Семен. – Сначала был в шоке. Но компания дала щедрые отступные. Я взял частичную занятость и проводил время с Андрюшей. Светка нашла работу. А потом еще американцы...

– Американцы?

– Мы тогда пилили сайт штатовским благотворителям. Дима рассказал ситуацию, они собрали деньги – тогда не было законов про иностранных агентов. Андрюшку прооперировали и теперь он почти...

– Вам очень повезло, – решил Гладышев порадоваться за Семена.

– Я хотел этих штатовских отблагодарить. У них тогда проект был в Интернете, где размещались анонимные истории. Публиковать фотографии нельзя. Читать материалы без изображений никто не станет. Я и рисовал им за спасибо. А потом мои иллюстрации заметили, появились заказы из других журналов...

Семену принесли еще бокал. Он его тоже выпил. Тоже залпом.

– Теперь фрилансю и могу употреблять средь бела дня, –

засмеялся Семен.

– Кузнецов вам прям путевку в жизнь дал, – сказал Гладышев.

– Ага, – не заметил сарказма Семен. – Я поэтому и не представляю, чтоб он кого-то... Хотя, что касается взаимоотношений с братом...

Семен нахмурился. Гладышев приободрился. Жестом взял еще вина.

– Так что с братом? – спросил Гладышев.

– Тот корпоратив – это ж не первый раз. Егор постоянно лез, куда не просят.

– Например?

– Не уверен, имеет ли это отношение к делу...

– В случае *убийства*, – сказал Гладышев, – все имеет отношение к делу.

– Да, вы правы...

Семен рассказал. Несколько случаев.

Случаев, которые *имели* отношение к делу.

5

Когда он пришел, Иры дома не было.

Наверное, бродит по магазинам.

Дима прошлепал на кухню. Вернулся в прихожую. Разулся. Снова пошел на кухню.

Ира не любит грязь. А он не хочет ссоры. У него на вечер другие планы.

Шкафчики, плита, посудомойка. Все – в оранжевых тонах. Он не очень любил этот цвет, но у Иры получилось уютно.

Особенно сейчас, когда такая темень за окном.

Поставил чайник. Открыл кухонный шкаф. Достал чай.

На глаза попала бутылка вискаря. Сегодня не стоит...

Все-таки хлопнул.

Можно.

Разговор с Шигориным серьезно улучшил настроение. Офис, конечно, так себе, но...

Чувствовалось, что Шигорин профессионал. И даже сумма аванса, с которой пришлось расстаться...

Если это поможет решить проблему с Гладышевым, он готов платить в десять раз больше.

Жаль, конечно, что Дима так и не вспомнил, против кого Егор хотел подать иск. Плевать. Шигорин пробьет по своим каналам. А Дима...

После разговора с адвокатом у него вновь проснулось желание. То самое, которое пропало куда-то после вчерашнего звонка Гладышева.

«Желание проснулось после встречи с адвокатом».

Дима улыбнулся своим мыслям.

Где Ира?

Посмотрел на часы. Если она на шоппинге, ее лучше не отвлекать.

Снова открыл шкафчик. Достал вискарь. Может, как раз самое время научиться пить его *правильно*? Он давно хотел, даже купил специальные охлаждающие камни для виски, вместо кубиков льда, который тает и «убивает» букет...

Потом.

Новая стопка – или ценители виски это по-другому называют? – хорошо пошла.

По телу наконец разлилось тепло.

Он очень соскучился по Ире.

Он изнывал от приятного ожидания.

Он достал телефон и написал ей игривое сообщение.

6

– «Ты где? Твой котик соскучился и хочет мур-мур», – зачитала Ира.

Мастик покотился со смеху.

– Он серьезно?

– Вроде да, – улыбнулась Ира и стала печатать ответное письмо. – Твоя... киска... тоже... очень... скучает... и... скоро... будет... дома.

– Правильнее писать «*Моя* киска скучает» – засмеялся Мастик.

Они сидели на кухне. В съемной квартире. Пили чай. Мастер (он терпеть не мог уменьшительно-ласкательного «Мастик») – в линялых джинсах, вытянутом свитере. Никакого латекса – смешного, пафосного, разрушающего момент. Ира – в полупрозрачной комбинации, подчеркивающей отношения власти, которые между ними были. Под попой – подушка. Символическая. Мастик делал все правильно, и после сурового наказания, которое выдержала Ира, ниже спины была не боль, а приятное жжение.

– Пошляк, – Ира швырнула в Мастика пачкой чая.

СМС-ка от Димы была некстати. Ира любила разговоры после «экшена». Возможно – даже больше самой экзекуции. С другой стороны – встречи с Мاستиком не утоляли, а разжигали сексуальный голод. Побывать еще с любовником? Ехать

к мужу?

Помог Мастик:

– Я тебе, кстати, такси вызвал. Будет через две минуты.

– Ты с ума сошел, – встrepенулась Ира. – Мне же одеться надо.

Девушка бросилась в комнату, но Мастик преградил ей дорогу.

– Нет, – мягко сказал Мастик. – Сегодня ты поедешь домой голая.

Безопасность. Добровольность. Разумность.

Три принципа их отношений. Которым они следовали неукоснительно. Если Мاستик сказал ехать *так*, значит, уверен, что все будет хорошо. Уверен, что Ира справится.

А их отношения вышли на новый уровень.

Переохлаждение ей не грозило. Мастик – не дурак, разрешил надеть шубку. Шапку. Под ними – ничего, но со стороны она ничем не отличается от других девушек в пальто. Только острыми голыми коленками. Без колгот.

Но это мелочи. Никто ни о чем не догадается. Но сама мысль, что может догадаться, заставляла Иру полыхать от возбуждения.

Интересный «квест». Лучший за время их отношений.

Машина уже ждала у подъезда.

Ира села на переднее сиденье. Не прогадала. За рулем – молодой парень. Симпатичный.

– Вам куда? – смущенно пробормотал он, почувствовав флюиды страсти, исходившие от Иры.

Назвала адрес.

Парень резко – слишком резко – газанул, вырулил на улицу. Ира глянула в зеркало заднего вида. Заметила взгляд парня. Тот перевел глаза на дорогу. Кончики его ушей залились краской. Девственник? Ира представила, как по завершении

поездки понимает, что денег нет, и предлагает водителю расчитаться как-то иначе...

– А вы, – парень закашлялся, – живете там?

Где «там? По адресу, что она назвала?

Когда мужики смущаются, они всегда задают глупые вопросы.

Ира кивнула. Парень умолк.

Сделал музыку громче. «Steel loving you».

– Любите «Скорпионс»? – спросила Ира, поняв, что нио-чемный треп лучше неловкого молчания.

– Да нет, – обрадовался парень возможности поговорить. – Начальство говорит ставить нейтральное, не уголовку всякую. Я больше по рэпу.

Ира усмехнулась. Она была не сильно старше водителя, но помнила, что в «ее годы» слушать рэп было «зашквар». Или как тогда говорили?

– Я из рэперов только Оксимилона знаю, – ответила Ира. – И Нойза эМСи.

– А Эминем?

– Ну и этого.

– Оксимирон крут. Ну и Нойз. Наверное. Это там, где «Ледники растают ля-ля-ля»?

– Ага, – засмеялась Ира.

Остаток пути говорили про музыку. Парень почувствовал себя увереннее, начал шутить. Когда машина подъехала к дому, Ира даже немного расстроилась.

Парень назвал сумму за поездку. Оставалась проблема – Ира носила деньги в пальто. В кармане. Внутреннем. Их надо аккуратно достать...

Хотя зачем аккуратно? Парень ей понравился, ей хотелось сделать приятное.

– Сколько? – переспросила Ира.

Парень назвал сумму.

– Сейчас, – Ира улыбнулась. Расстегнула пальто, достала кошелек. – Секундочку.

Парень готов был ждать вечно. Но сказать об этом, увы, не мог из-за отвисшей челюсти.

Ира принялась отсчитывать деньги.

– Сто, сто пятьдесят...

Парень залился краской. Густой и... милой?

– Может, на чай докинуть? – спросила Ира.

– А?

– Два, – засмеялась девушка.

Она добавила триста. Протянула купюры. Вышла. Запахнулась и пошла к подъезду.

«Чайник» был лишним – она и так подарила водителю сюжеты тинейджерских фантазий на месяц вперед.

Теперь нужно было скрыть наготу от Димы... Мастик сёк аккуратно, следов не оставалось. Но жена, ушедшая на «шопинг» и вернувшаяся в одном белье, наводит на определенные мысли...

Не важно. Она справится. Как-нибудь.

Ира открыла дверь подъезда. Вспомнила фразу, которую Мاستик сказал на прощание:

– За секс с мужем тебя ждет *очень* суровая порка.

Ира улыбнулась.

8

Диме снился сон. Он задержался. Допоздна. Дома ждет Ира. Она набросится в порыве страсти. А потом будут дети...

Диму охватила паника. Руку в карман. Презервативы. Надежные?

Не факт. Вчера вышел закон. Дырявить презервативы на фабрике. Каждый пятый. Чтоб было больше детей. Чтоб потом их в танки. Так и сказали – в танки. Это игра такая на компьютере.

Надо проверить.

Дима пошел в туалет. Начал наливать в презервативы воду. По старинке. Ненадежно, но...

Глядя на цветную кишку латекса, Дима испугался, что презерватив будет ему мал. Спустил штаны. Стал натягивать.

Как в детстве. Когда не знал, как им пользоваться.

Член стал стремительно уменьшаться. Дима подергал его. Опять подергал. Член высказывал из рук как обмылок.

Зашла Женя.

– Тебе в другую дверь, – сказал Дима.

– Помочь? – спросила девушка.

Она взяла из пачки презерватив, стала коленями на мокрый кафель, принялась натягивать ртом.

– Наана? – пробормотала Женья.

«Нормально?» – услышал Дима.

Член стал расти.

Расти.

Расти.

– Проснулся, котенок? – прошептала Ира, оторвавшись от его *органа*.

Джинсы с трусами спущены до колен. Ноги – в стороны. Как во сне. Темные Ирины волосы падают на его бедра.

Ира смотрит с хитринкой. «Еще бы ты не проснулся».

Дима отогнал сонное наваждение. Приподнялся. Притянул Иру к себе.

Ему никто не нужен, у него есть Ира, и у них все хорошо...

Они любили друг друга, потом ели, потом снова пошли в постель.

– Ты бомбическая, – наконец откинулся Дима на подушку.

– Еще бы, – сказала Ира и принялась шебуршать руками у него между ног.

– Дай передохнуть, – засмеялся Дима, убирая их в сторону. – Заездишь.

– Заезжу, – сказала Ира и усилила натиск.

Дима поддержал игру, стал выворачиваться. Ира не сдавалась, пару раз ухватила Диму за искомую часть, но тому удалось вырваться.

– Еще немного, – пробормотал он, разжимая Ирины ру-

ки, – и ждать уже не придется.

Зазвонил телефон. В соседней комнате. Ира, воспользовавшись моментом, взялась за Диму покрепче.

– Не пущу, – сказала она.

– Ну пожалуйста, – улыбнулся Дима.

– Ладно.

Он встал. Ира исхитрилась и звонко шлепнула его по попе.

Потирая ягодицу, Дима прошлепал в соседнюю комнату. Каким-то особым чутьем он чувствовал, что звонок важный.

Так и оказалось.

– Это Геннадий Викторович, – представился Шигорин. Наверно, телефон адвоката отражал лишь номер звонившего.

– Что-то срочное? – решил опустить формальности Дима.

– Я нашел человека, против которого Егор хотел подать иск.

Шигорин назвал фамилию. Но Дима уже и так догадался.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

1

– Почему Лурц? – спросил Дима.

Откинулся на сиденье. У Шигорина – удивительно – была иномарка. Неплохая. Дождь взял передышку. За окном было серо и свежо. И лужи на дорогах – Дима, как в детстве, с интересом смотрел на брызги, летящие из-под колес.

Они ехали в больницу Егора. За город.

– Вас что-то смущает? – сказал Шигорин.

– Он хороший врач. И Егору нравился. Его раньше силой брали – он в квартире баррикадировался и угрожал взорвать газ. А как Лурц появился, сам просил его отвезти.

– Хороший врач и хороший человек – разные вещи.

Шигорин тормознул, давая перейти шоссе какой-то сельской бабке с тележкой. Бабка посмотрела на машину и погрозила кулаком.

– Я встретился с коллегой, – вновь газанул Шигорин. – Он специалист по вопросам дееспособности. Вы знаете, что Лурц раньше возглавлял клинику в столице?

– Да.

– А знаете, почему перестал возглавлять?

Дима промолчал.

– Его уволили. За злоупотребления, – сказал Шигорин.

– Злоупотребления?

– Да. У моего коллеги была клиентка. Ищеева. А у той сестра. И трехкомнатная квартира в центре. Потом Ищеева познакомилась с молодым человеком. Решила переехать к нему. И предложила сестре разменять квартиру.

Шигорин притормозил. Снова бабка. Наверно, новая. Но почти неотличимая от старой. И тоже погрозила кулаком.

Как в ужастике про временную петлю.

– Сестра, – поехал Шигорин дальше, – была против. Ищеева решила продать свою долю. А сестра «поговорила» с Лурцем и тот упек ее в ПНИ.

– Какие пни? – спросил Дима.

Поля сменились лесом, росшим возле больницы. Обстановка навевала.

– Психоневрологический интернат, – объяснил Шигорин. – Ищеева проторчала там три года. Вышла благодаря журналисту, который делал репортаж о психиатрических учреждениях. Обратилась к моему коллеге.

– И?

– Часть квартиры вернула. Лурц признал ошибку, но умысла доказать не удалось – его адвокаты напирали на то, что он добросовестно заблуждался. Говорят, правда, что заблуждался он уже не раз. Лурц написал по собственному. Теперь вот у нас всплыл.

Вдалеке показалось здание больницы. Они подъезжали.

– При этом, – сказал Шигорин, – нам совершенно не важно, реальны ли были претензии вашего брата к Лурцу. А знаете, почему?

– Потому что даже беспочвенные подозрения в халатности поставят на карьере Лурца жирный крест?

2

– Куда? – встал на их пути бритый наголо молодой санитар.

Почесал наколку на руке. Какую точно – Дима не рассмотрел, но видел что-то похоже в детстве по НТВ.

Шигорин объяснил ситуацию.

– Позвоню, – сказал санитар и отправился на вахту.

Дима осмотрелся. Когда он в последний раз навещал Егора, фойе было заставлено строительными лесами. Теперь леса убрали, а побеленный потолок прямо бросался в глаза. На стенах вывесили новую агитацию. Как обычно, про вред алкоголя и курения, но новую, в аккуратных рамках и под стеклом.

– Можешь проходить, – кивнул санитар Диме. – А вы... – посмотрел он на Шигорина.

– Я адвокат.

– Адвокат – это ролик на ютубе. А у меня – распоряжение начальства.

– Речь идет об уголовном преступлении, – попытался объяснить ситуацию адвокат.

– Тем более, – ответил санитар и начал набирать номер Лурца.

Потом велел Диме купить в автомате пятикопеечные бахилы – это тоже было новшеством – и провел в кабинет Лурца.

ца.

– Чай, кофе, сок? – улыбнулся Лурц Диме.

Тот помотал головой. Сел в погрызенное молью кресла напротив врача. Он почти никогда не общался с Лурцем, перекидываясь парой слов, проявляя вежливый интерес к болезни брата, а в кабинете главврача не был и подавно.

Уютно. Умиротворяющие картины на стенах. Полки, заставленные разноцветными папками. Запах кофе.

– Как скажете. Поднимаем культуру обслуживания в психучреждениях восточной Европы, – пошутил Лурц.

– Рад за вас.

– Простите, что не пустил вашего адвоката – с определенных пор я их не сильно люблю.

– Вы про случай с Ищевой?

– Да.

– Вам же удалось...

– Удалось, – кивнул Лурц. – Но никто – даже мой адвокат – не поверил, что я *не виновен*.

– Складно говорите. Готовились?

Лурц рассмеялся.

– Ага. Узнав о смерти Егора, я подготовился к вопросам со всех сторон. У меня даже есть релиз для прессы.

– Так что с Ищевой?

– Я ошибся. Потому что *сам* стал жертвой обмана.

– Неужели.

– Представьте себе ситуацию. У вас есть брат...

Лурц замолчал.

– Простите, – сказал он. – Представьте ситуацию. Есть два брата – Петя и Вася. Петя не любит Васю и каждый день сыпет ему в суп пурген. Вася жалуется на понос врачу. Что должен сделать врач?

– Назначить анализы.

– А если на дворе девятнадцатый век, анализов нет и можно полагаться только на жалобы пациента?

– При чем тут девятнадцатый век?

– Девятнадцатый век – это состояние современной психиатрии. У нас нет анализов, нет точных методов исследования. Я мог полагаться лишь на слова Ищевой, которая *сама* была уверена, что сходит с ума.

– Сама?

– Это называется газлайтинг. Психологическое насилие, когда агрессор создает у жертвы ощущение, что она сходит с ума.

– Как-то...

– Сложно?

– Неправдоподобно, – ответил Дима.

– Это вы зря. В легкой форме с газлайтингом сталкивается каждый. Муж раскидывает по квартире носки. Жена говорит, что он ведет себя как свинья. Муж заявляет, что она сошла с ума на пункте чистоту. Еще вариант. Девушка изменяет парню. Тот что-то подозревает. Она заявляет, что у него

паранойя.

– Понятно.

– С Ищевой было хуже. Сестра подмешивала ей в еду трициклики с галлюциногенной побочкой. Прячала вещи. Переводила стрелки часов. Рассказывала общим знакомым, что Ищеева ведет себя странно. И те *заметили* странность. Говорили Ищевой, что ей пора бы обратиться...

– А Ищеева?

– Ищеева злилась – как любой, кого называют психом. Но мы же уверены, что психбольные никогда в этом не признаются. Окружающие расценивали ее «всплески» как признак безумия. Слухи дошли до начальства. Ищееву уволили. А сестра завладела телефоном Ищевой, и стала переписываться с ее молодым человеком.

– Хотела поссорить?

– Слишком просто. И подозрительно. Наоборот – писала от лица Ищевой СМС-ки, полные любви.

– Зачем?

– Вы когда-нибудь читали свои сообщения, которых вы *не писали*?

Дима вздрогнул.

– Когда сестра Ищевой обратилась ко мне за помощью, та была уже «готова».

Лурц отхлебнул воды из стакана.

– Поэтому да, я совершил ошибку. Которая стоила человеку трех лет жизни. Но девяносто девять процентов моих

коллег поступили бы точно так же. Вы мне верите?

Дима молча смотрел на Лурца.

– Мой адвокат тоже не поверил, – рассмеялся Лурц.

– У меня ощущение, что вы оправдываетесь.

– Да. И у меня есть резон.

– Какой?

– Не прикидывайтесь. Мы оба знаем, что в убийстве Егора вы подозреваете меня.

– Да. Вы боялись, что Егор подаст против вас судебный иск. И даже если в случае с Ищевой вы ни при чем, иск Егора все равно бы похоронил вашу карьеру.

– Разумно. А вы считаете, что Егора убили?

– Да.

– Вы немного похожи на того следователя, что меня допрашивал. А хотите, я назову вам главную причину почему я не убивал Егора?

– Допустим.

– Да или нет?

– Да.

– Назову. Но за одну услугу.

– Услугу?

– Да, – сказал Лурц. – Расскажите о себе.

Женя сидела в кабинете у начальника и готовила Димины костюмы к отправке в химчистку. Уже часа полтора. Дело было ответственное – Дима терпеть не мог электронные записные книжки. И вообще блокноты. Записывал все на клочках бумаги. Как школьник. Прятал в карманы пиджака и благополучно о них забывал.

А потом просил Женю разобрать все эти завалы бумаг перед отправкой пиджаков в химчистку.

Выкинуть бумажки скопом было нельзя – на некоторых записывалась важная информация. Оставить – тоже: Дима не переносил завалы и злился, когда Женя сохраняла ненужную информацию. Надо было изучить каждую бумажку по отдельности и решить, нужна она начальству или нет. В такие дни Женя чувствовала себя Золушкой, перебирающей крупу.

Записки с номерами телефонов Женя сохраняла в первую очередь. Обладателя номера указано, как обычно, не было. Женя понимала, что завтра придется сесть на телефон, позвонить по каждому номеру, извиниться и уточнить с кем имеет честь. Дурдом.

Следом шли записки, даже неразборчивые, содержащие фигурные восклицательные знаки или жирные подчеркивания. К категории важных относились также бумажки, на ко-

торых отдельные слова были написаны жирно или печатными буквами – так Дима записывал очередные пришедшие ему в голову бизнес-идеи.

В топку Женя отправляла совсем уж «туалетные» клочки со словами типа «зубной» и парикмахерская» и датами визита. Зачем Дима все это записывала, Женя не знала – все равно приходилось по десять раз напоминать самой.

Она уже справилась с двумя пиджаками. Оставался третий, самый сложный. Тот, в котором Дима в последний раз навещал брата и который носил вплоть до похорон. Дима мог сколько угодно храбриться, но Женя знала – смерть брата нанесла ему серьезный удар, сделав записи еще менее разборчивыми, чем обычно. Сейчас Женя завидовала героям американских детективов, которые в сложной ситуации могли обратиться к стороннему специалисту. Например, по древней клинописи.

Она вывернула содержимое пиджака на стол. Всмотрелась. Записки. Пустая пачка сигарет. Упаковка орбита с двумя подушечками. Другие вещи, которые Дима на автомате положил в карман.

И одна вещь, которую в карман пиджака положил явно не Дима.

4

– Рассказать о себе? – спросил Дима.

– О вас, – улыбнулся Лурц.

– Зачем вам это?

– Хочу восполнить пробелы в истории болезни Егора.

Чувствую вину за его смерть. Если бы я разобрался в причинах его помешательства, все могло бы повернуться иначе.

– Вы что-то недоговариваете.

– Не скрою. Есть еще одна причина, но о ней я расскажу позже. Ну так как, побеседуем?

– А мне от этого какой прок?

– Вы подозреваете меня в убийстве Егора. Я могу доказать, что я не убивал вашего брата. А могу и не доказать – и в таком случае вы зря потратите время, ища доказательства моей вины. Вы согласны?

Дима помолчал.

– Смотря что вы хотите узнать, – сказал он.

– Вы часто думаете о брате?

– Ну...

«Часто. Разве что на месте Иры его не представляю».

– Как когда, – ответил Дима.

– Какие эмоции вы испытываете?

– Смешанные.

– Какие эмоции?

– Смешанные.

– Ирония, сарказм?

– Да.

– Ясно.

Дима исподлобья посмотрел на Лурца.

– Зачем вам я, если вы и так всё...

– А вы, – перебил Лурц, – думали, почему смерть брата вызывает у вас...

– Иронию? Нет.

– Замечательно.

Лурц сделал на бумажке какую-то пометку.

– Зачем вам это? – спросил Дима.

– Вы знаете, почему я решил стать психиатром? – спросил Лурц.

– Потому что любите отвечать вопросом на вопрос?

– Нет, – засмеялся врач. – Потому что я психопат.

Повисла пауза. Звенящая. Сквозь которую Дима услышал, что на улице снова стал накрапывать дождь. Сколько можно...

– Странное заявление для человека...

– ...которого подозревают в убийстве?

– Да.

– Я люблю театральные эффекты, – засмеялся Лурц. – Знаете, в чем главная проблема психопатов?

– Они задают слишком много вопросов?

– Они не способны испытывать эмоции. Моя мама – у нее

было биполярное расстройство – могла с утра подарить мне машинку. А вечером – швырнуть ее в стену. Но я *ничего* не чувствовал по этому поводу.

– Вас пожалеть?

– Я задумался, – продолжил Лурц, – *что* со мной не так. И нашел ответ – я не понимал маму. Вообще не понимал. И весь мир – тоже, он казался мне непредсказуемым и абсурдным. А к тому, чего не понимаешь, невозможно испытывать эмоции. Я стал психиатром, чтобы понимать людей, чтобы научиться чувствовать.

– Зачем вы мне это рассказываете?

Дима посмотрел в окно. Посмотрел на часы. Посмотрел куда угодно – лишь бы не видеть глаза Лурца, которые выворачивали его, Диму, наизнанку.

– Я стал психиатром, чтобы понять людей и научиться чувствовать к ним хоть что-то. Вам нужно сделать то же самое с собственным братом.

– В смысле?

– У вас нет целостного образа Егора. Вы хотите соперничать ему, но не можете. Вам нужно понять, кем он был, но осколки памяти, которые остались от Егора – острые, режутся. Вы кутаете их в обертку иронии, но безрезультатно.

– Приму к сведению – о Егоре лучше не думать.

– О Егоре *нужно* думать. Нужно – иначе вы не испытаете горя.

– Не вижу в этом ничего плохого.

– Зря. Горе помогает справиться с утратой, отпустить человека, которого мы потеряли.

– Может, я хочу, чтоб Егор навеки остался со мной.

– Не хотите, – сказал Лурц. – Я потерял мать много лет назад. Я не смог ее понять. Она снится мне каждую неделю. Постоянно швыряет о стену ту чертову машинку. Но у вас ситуация куда сложнее.

– Правда?

– Сарказм. Вы знаете, что психические заболевания имеют генетическую природу?

– К чему вы клоните?

– Вы с Егором – братья-близнецы. Я долго думал, почему вы не лежите в соседних палатах. Потом понял – Егор декомпенсировал развитие вашего заболевания, взял на себя этот крест, позволил вам нарастить защитную скорлупу жизни. Вы не сошли с ума в пику Егору, чтобы не быть похожим на него.

Дима закашлялся. Чтобы не выдать себя выражением лица.

– Теперь о проблемах. Егор умер. Вы больше не можете выстраивать свою анти-идентичность. И если вы не сможете отпустить его образ, станете пациентом моей лечебницы.

– А у вас есть платные палаты?

– Снова ирония.

– Смех – лучшая защита, – сказал Дима. – Это, по-моему, Фрейд?

– Фрейд. Но фраза выдернута из контекста. С точки зрения психоанализа, защита – это плохо. Мы *смеемся* на том, что должны *принять*.

– Интересная мысль. Поставлю себе в статус.

– Помните, я говорил, что есть еще одна причина моего к вам интереса?

– Вы не хотите, чтобы я занимал лишнюю койку в вашей больнице?

– Да, – засмеялся Лурц. – Нас и так недофинансируют, а тут еще вы. Подумайте над моими словам. Вы всегда знаете, где меня найти.

– У вас еще есть вопросы?

– Есть. Один. Но вы на него не ответите. Из-за чего вы поссорились с братом?

– Вы правы. Не отвечу.

– Я так и чувствовал. Егор тоже не хотел отвечать.

– У меня ощущение, что вы могли убить Егора просто потому, что он не дал себя вылечить.

Лурц расхохотался:

– Простите. Разворчался как старый дед. Профессиональная деформация. В конце концов, вам решать. К тому же схожие болезни проявляются не у всех близнецов.

– Если вопросов больше нет, прошу исполнить вашу часть договора.

– В смысле?

– Вы обещали рассказать, по какой причине вы не могли

убить Егора?

– Чуть не забыл, – сказал Лурц. – Тут все просто. *Допустим*, Егор хотел подать против меня иск. Тогда бы что?

– Тогда бы вас ждали серьезные проблемы.

– Абсолютно верно. И я бы вполне мог его убить. Я же психопат. Да?

Дима кивнул.

– И вот здесь загвоздка. Если бы я хотел убить Егора, я бы его убил. Я бы не стал имитировать самоубийство. Ни один иск в суд не создаст мне таких проблем, как самоубийство пациента. Меня уже вызвали в областное отделение минздрава, и у меня есть ощущение, что если вы, вслед за братом, сойдете с ума, вас будет лечить другой доктор, а я – подметать пол у вас в палате.

Шигорин мрачно курил на больничном крыльце. Под табличкой «Не курить». Дима усмехнулся.

– Ну как прошло? – спросил Шигорин.

Дима пересказал разговор, опустив касающуюся его самого часть.

– Звучит логично, – сказал Шигорин. – А мы можем пообщаться с кем-нибудь из персонала? Узнать, не было у Егора с кем конфликтов?

– Нет. Лурц сказал, что беспокоить пациентов вопросами об убийстве можно только через его труп.

– Но...

– Он еще добавил, что никаких конфликтов у Егора не было. Что, вопреки стереотипам, психбольные совершают преступления *реже* рядовых граждан.

– Проблема, – сказал Шигорин.

Они спустились вниз и направились по размытой дождем тропинке к выходу с территории.

Дима бывал тут редко. Слишком редко для брата. Если Егору было что-то нужно, посылал кого-то из фирмы. Посылал Женю. Даже Ира ездила пару раз.

Аллея вдоль тропинки была засажена чахлыми деревьями. Справа, метрах в десяти, стояла покосившаяся и промокшая беседка, где в спортивных костюмах и болоньевых курт-

ках сидели пациенты. Сидели на клеенках, но Дима знал – даже эту привилегию нужно было заслужить кротким нравом.

– А что, если завербовать шпиона? – спросил Дима.

– Что?

– На лапу дать кому-нибудь из этих – чтоб они для нас информацию пособирали.

– Это неэтично. Они больные люди. К тому же легко себя дезавуируют.

– А санитаров?

– Которые первыми стукнут Лурцу? Дима, это нерабочий план. Хотя...

Шигорин посмотрел куда-то вдаль. Дима проследил за его взглядом. С задней стороны больницы мужичок в трениках, подтянувшись на руках, заглядывал в окно.

Шигорин быстро пошел в его сторону. Дима – за ним.

Мужичок, почувствовав взгляд, обернулся. Спрыгнул вниз. И как бы незаметно посеменял от них по больничной тропинке. Шигорин ускорил шаг.

– Веня, стой! Разговор есть.

Мужичок вздрогнул, перешел на бег и скрылся за углом больницы.

– Скотина, – пробормотал Шигорин.

Адвокат перешел на предпенсионную рысь и побежал следом.

Дима бросился за ними.

«Шигорин, собака», – думал Веня, улупетывая от адвоката и его спутника.

К адвокату, в целом, он относился уважительно, но сегодня Шигорин был не в масть: любопытный адвокат мог нарушить привычный и наконец устоявшийся ход Вениной жизни.

В больнице ему «шлепнули» генерализованное тревожное расстройство. Потому что вздрагивал от каждого шороха. Потому что в своей *ситуации* не мог иначе. Диагноз был липовый, и Веня это знал. Веня должен был находится здесь по другой причине.

Веня был клептоман.

Почему – фиг знает. Может, гены. Может, воспитание. Отец пил. Отец колотил мебель. Мать била отца и выводила из запоев. На Веню всем было плевать. Как цыпленок, который, увидев первую несущку, считает ее матерью, Веня мог увидеть отца, несущего в ломбард телевизор, и понять, что так оно и надо. А кореш по камере, фанатевший от «Капитана Врунгеля», считал, что Веня *Сорокин* просто не может не воровать.

Вене была безразлична вся эта психология. Но он точно помнил, когда украл и получил *удовольствие*.

Первый класс. Веня грязный. Веня – в обносках. С ним

никто не хочет дружить. Общаться. Даже бить не хотят – чтобы не зашквариться. До образа полноценного «петуха» ему не хватало лишь дырявой ложки.

Первая учительница – страшная стерва, ненавидимая всеми. Учениками. Родителями. Даже школьной администрацией. Когда к ним должна была прийти практикантка из педа, учительница сказала:

– Кто доведет эту сучку до слез, поставлю пятерку.

Так и сказала. Веня даже спросил как-то бывшего одноклассника – может, ему показалось. Но нет, было. Подтвердил.

У учительницы был горбатый нос. Роговые очки. Кривые пальцы с длинными ногтями. И шариковая ручка Паркер – которая в глазах учеников стоила целое состояние.

Если у Вени будет такая ручка, окружающие к нему потянутся...

Спереть ручку удалось на пятый день слежки. После уроков, когда учительница пошла в туалет, непредусмотрительно оставив ее на столе.

На глазах у одноклассника, который в это время дожидался бабушку.

Назавтра о том, *кто* спер ручку у стервы, знал весь класс. Веня понял, что попух. Его не любят. Его сдадут.

Когда с разборками пришла директриса, все случилось иначе. Она говорила, что никому ничего не будет. Что лучше признаться самому. Что они все к чертям вылетят из школы.

Не помогло – одноклассники молчали как партизаны, которых разметало по лесу танковым снарядом.

Потом к Вене подошел главный мальчик в классе:

– Ты крут, – сказал он.

Веню угостили конфетами. Девочки дали заполнить свои анкеты с вопросами о любимом цвете. Одна даже чмокнула в щеку.

С ним начали дружить, но это было не главное. Он никогда не забудет эмоции, которые испытал на директорском допросе. Пот, текущий под рубашкой. Ягодицы, сжимающиеся от мысли, что с ним сделает мать, если все раскроется. Приятная дрожь во всем теле.

Тогда Веня впервые испытал эрекцию.

Со временем секс и страх разоблачения сплелись в тесный клубок удовольствия. Он крал. Сначала у одноклассниц. Потом, став постарше – у девушек на улице. По мелочи. Просто так. Дрожал при мысли, что схватят за руку. Томился от растерянности на их лицах.

И учился. Хорошо. Лучше всех в классе. И лучше Светки, которая была тупа как пробка, но притягивала Веню натуральными (не вата) грудями, топорщащимися под блузкой.

Когда в восьмом классе Светку решили сбагрить в хабзу, Веня выкрал журнал и сплавил по реке со всеми Светкиными двойками.

Вора вычислили быстро – слухи ходили давно, учителя просто не давали им ходу. А теперь дали, и вместо Светки

в ПТУ пошел Веня.

Там тоже было нормально – пока Веня не согласился пошабашить с другом у пожилого профессора и не спер с серванта флакончик духов его молодой жены.

– Я просто хотел сохранить на память ее запах, – сказал Веня своему первому адвокату Шигорину, и тот назначил психиатрическое освидетельствование.

Пообщавшись с Веней, психиатр сказал:

– Вы настоящий, *ядерный* kleptomан.

– Меня не посадят? – обрадовался Веня.

– Посадят.

Веня – тонкая натура – чуть не заплакал:

– Но почему?

– Это *очень* редкий диагноз. И если я, молодой врач, вам его поставлю, а вышестоящая комиссия опровергнет, то сами понимаете.

Веня не понимал. Веня рассказал все Шигорину, но тот ничего не смог сделать – тогда он был менее влиятельным защитником.

Веня загремел в тюрьму. Благодаря неконфликтному нраву легко адаптировался. Получил на базе двух ПТУшных лет профессию медвежатника. Выйдя, стал вести двойную жизнь – крал ради денег и таскал по мелочи для души. Шигорин, чувствуя вину за то, что Веня пошел по кривой дорожке, защищал его бесплатно, даже когда раскрутился.

Потом Веня снова сел. Потом вышел. К своим тридцати

так и не обзавелся женой – не потому, что был «законным», а потому, что возбуждался только в плохо охраняемых магазинах женского белья.

«Откинувшись», Веня решил завязать. Но попал в *ситуацию*, и теперь Веню искали серьезные люди. Которые перевернут весь город. Заглянут под каждую лавку. Будут искать везде, кроме этой больницы.

Больницы, в которой Веня встретил её.

Он не знал, как ее зовут, называл про себя Светой – как ту самую, из-за которой...

Она была молода и богата. Лежала в платной палате. С телевизором. Душем. Без запаха мочи.

С нестрашным диагнозом Веню отпускали гулять по больнице одного. Он нашел ее корпус, нашел окна и стал наблюдать за ее жизнью.

Шигорин нарисовался в самый неподходящий момент – ближе к обеду Света мылась. Мылась, оставив приоткрытой дверь. Чтоб не было жарко. Наверное. В течении жизни Веня не раз видел, как моются другие люди. Тогда – боялся уронить мыло. Сейчас – наблюдал, как девушка нежными движениями покрывает гелем свое молодое тело.

Сегодня Света оставила открытым окно. Веня хотел залезть и украсть у нее какую-нибудь вещь. Это было опасно, но игра стоила свеч – если план сработает, то запершись после обеда в больничном туалете Веня достигнет самого яркого оргазма в своей жизни.

А тут Шигорин.

Собака.

Адвоката Веня не боялся. Но у него *ситуация*. Шигорин – как минимум – его узнал. Еще мужик какой-то. Знают двое – знают все. Надо бежать. Без оглядки. И схорониться где-то еще. Иначе его ждут куда более серьезные последствия, чем внутримышечный магний, которым санитары наказывали за нарушение режима.

Шигорина хватило секунд на тридцать. Теперь поимка свидетеля – осведомителя, шпиона? – была полностью в Диминых руках. Он ускорился.

Больница.

Заборчик.

Клумба.

Перемахнул.

Снова.

Свернул за угол.

Веня. Перелезает через забор. Бежит на волю.

За ним.

Грязь.

Поскользнулся. Встал.

Вперед.

Забор. Ухватился. Подтянулся.

Гвоздь.

Поранил руку.

Мать твою.

Веня бежит к лесу.

За ним.

Хруст веток. Остановись.

Остановился.

Огляделся.

Гуща – он даже не знал, что такие бывают в пригороде.
Легко затеряться, но слышно каждый шаг.

Прислушался.

Вокруг тишина.

Веня затаился. Понял свою ошибку.

Ступая как можно тише, Дима пошел вперед. Поломан-
ные ветки. Во мху чавкает вода. Каждый звук слышен за ки-
лометр, но судя по окружающей тишине, Веня не двигается.

Выжидает.

Пень.

Прогрызенный муравьями. Или еще кем-то.

Задел головой ветку. Капли дождя градом обрушились
за шиворот.

Холодно. Как Егору. В ту ночь, когда его убили.

В этом лесу.

Не отвлекайся.

Веня и ты – как Егор и его убийца.

Он тоже шел тихо. Крадучись.

А Егор прятался, дрожа от страха.

Бред.

Ему нужно поймать Веню.

Справа – хруст веток. Веня?

Веня. За деревом виден синий рукав фуфайки.

Старается не двигаться. Не знает, что его уже...

Так. Идешь аккуратно.

Дима, крадучись, направился к дереву, за которым пря-

тался беглец.

Не спугни. Внезапность – твой козырь. У него есть причина дать тебе серьезный отпор.

Полтора метра до цели. Еще шаг – услышит.

Дима собрался с силами. Вдохнул.

Прыгнул.

Схватил рукав торчавшей из-за дерева куртки.

Пустой рукав.

Удар по плечу. Сзади. Дима рухнул на землю.

Перекатился на спину.

Веня, держа в руках огромную орясину, замахнулся ей снова.

– Не двигайся, – сказал Веня дрожащим голосом.

Дима замер. Оценил ситуацию.

Веня сбил ему «дыхалку». Тело разрывается от боли. Левая рука, куда пришелся удар коряги, по сути недееспособна.

Но Веня – не умеет драться. Совсем. Дрожащие руки. Искривленное от напряжения лицо. Дима когда-то ходил на «рукопашку». Дима знал, как ведут себя салаги.

Веня не ударит.

Веня *боится*.

– Не двигайся, – повторил Веня.

– Окей.

Дима отполз назад.

– Не двигайся, – сказал Веня в третий раз. Даже взвизгнул.

– Не двигаюсь.

Дима начал подниматься. Веня замер. Он – в трансе, он не понимает, что происходит.

– Что тебе нужно? – Веня направил сук острым концом на Диму. Решил договориться.

– Хочу задать тебе пару вопросов, – *спокойно* сказал Дима.

Прикинул план действий.

– Каких? – голос Вени дрожал.

– Кто такой Джон Голт?

От удивления Веня опустил орясину. Дима бросился вперед.

Рухнули на землю. Дима чертыхнулся. Все-таки задел своей корягой – распорол штанину, распорол кожу на бедре.

Плевать.

Дима придавил Венины руки к земле. Тот завизжал. Дима посмотрел ему в глаза. И понял, что бой не закончен.

Как загнанная в угол крыса, Веня собрал последние силы.

Вырвал руки. Схватил Диму за голову и надавил на глазные яблоки. Дима попытался вырваться.

Веня с силой ударил коленом в пах.

Дима, схватившись за причинное место, перекатился на спину.

Сука.

Веня попытался встать. Димины глаза застилала слезы боли, по лицу катился пот. Собрав последние силы, он ухватил противника за ногу.

Веня попытался ударить другой ногой по лицу. Дима закрылся. Веня упал.

Дима ухватил Веню покрепче и, чувствуя своими гениталиями каждый сантиметр движения, пополз в его сторону.

Веня завизжал. Попытался вырваться. Дима поднял голову. Веня схватил какой-то камень – как только поднял? – занес вверх.

Дима понял, что проиграл – сил защититься от удара уже не было.

– Веня!

Они оба повернули голову в сторону.

Шигорин. Опирается на березу.

– Веня, если ты прикончишь мне подзащитного, я точно сдам тебя Гнилому.

– Что за Гнилой? – спросил Дима, когда они с Веней поднялись с земли.

Сейчас главное правильно встать. Чтоб пах не разрывался от боли.

– Гнилой. Геннадий Нилов. Бывший авторитет. В двухтысячных легализовал бизнес.

– А при чем тут этот? – кивнул Дима не Веню.

– Веня – медвежатник...

– Завязавший!

– ...а у Нилова – швейцарский сейф. К которому он забыл пароль. Профильная компания сказала, что сейф надежный.

Можно только распилить. Но жалко. Нилов обратился к Вене. За сколько ты, кстати, справился? – посмотрел Шигорин на Веню.

– Тридцать одна пятьдесят две, – с гордостью сказал он.

– Вот. А потом Вене захотелось в туалет. Его пустили в хозяйский и там Веня спер у жены Нилова...

– Давайте опустим эту информацию, – встрял Веня.

– Давайте, – сказал Шигорин.

Дима промолчал. Ему было интересно послушать, но еще интересней – покончить с разговором и наконец поискать лёд.

– В общем, – продолжил адвокат, – Нилов очень обиделся. И пообещал серьезную сумму любому, кто нашего Веню найдет. Поэтому, если хотите отомстить за доставленные неудобства, вам достаточно...

Веня побелел. Диме даже стало его немного жалко. Пока между ног не взорвалось от очередной волны боли.

– Вы уж меня извините, – пробормотал воришка.

– Пошел ты, – отмахнулся Дима, аккуратно ощупывая промежность.

– Не соглашусь, – сказал Шигорин. – Веня вполне может отработать...

– Он первый начал, – возмутился Веня.

– Справедливо, – кивнул адвокат. – Поэтому если ты окажешь нам небольшую услугу, я поговорю с Ниловым и постараюсь уладить ваш конфликт.

– Что за услуга? – недоверчиво спросил Веня.

– Надо собрать кое-какую информацию по больнице.

– Нет. Это слишком рискованно.

– Жаль, – Шигорин задумался.

Помолчал.

– Вень. Ты пойми. Я тебя не сдам. Но и помогать просто так не буду. От твоего решения зависит жизнь человека. И да – если ты сможешь, проблему с Ниловым беру на себя.

Веня облизал губы. Нервно.

– Что конкретно вам нужно?

Дима с Шигориным ехали назад. Дима вздрагивал от каждой неровности дороги. Веня, сука...

Ежевечерние игрища с Иррой придется отложить. До завтра.

Минимум.

Но в больницу съездили не зря. Если Вене удастся...

...Узнав Димину ситуацию, Веня даже проникся сочувствием. Пообещал узнать, с кем общался Егор. С кем дружил. Ссорился.

Оставалась одна проблема – связь.

Телефоны в больнице запрещены. СМС-ки – запрещены. Даже письма – запрещены, а корреспонденцию, посылаемую из больницы, цензурят.

– Любая негативная информация, – пояснил Веня, – может сказаться на психологическом состоянии заклю... паци-

ентов.

– Разберемся, – проворчал Дима.

– Будете заезжать, – сказал Веня. – Апельсинов привезете...

Так что все в целом неплохо. Сейчас бы в ванну, смыть грязь и...

Зазвонил телефон. Дима поднял трубку.

– Это Гладышев, – заявили на том конце.

– Узнал.

Дима сморщился. Дима понял, что ванну примет не скоро.

8

– «Убитый Егор Кузнецов регулярно посещал офис своего брата Дмитрия и, пользуясь внешним сходством с братом, проникал к нему в кабинет и похищал из сейфа крупные суммы денег», – зачитал Гладышев.

Отложил лист в сторону. Посмотрел на Диму

– Как вы это прокомментируете?

Дима молча смотрел на следователя. Семен...

– Вы проводили официальный допрос свидетеля? – вмешался Шигорин.

– Нет. Мы *беседовали*. В ресторане. Но у меня не отнялись руки, и я смог записать все, что он сказал.

– Тогда вы должны понимать, что эти показания...

– Тогда *вы* должны понимать, что на суде *все* подтверждают свои показания

– Но...

– Подождите, – перебил Дима.

Посмотрел на Гладышева. Тот улыбнулся:

– Ну-ка, ну-ка...

Дима откашлялся.

– Все изложенное Семеном не имеет отношения к *реальному* положению дел компании. Это слухи.

– Слухи?

– Да. У нас как-то дебет с кредитом не сошелся. Я задер-

жал зарплату юристам. В *частном* разговоре с главным бухгалтером *пошутил*, что можно свалить вину на Егора. Типа он украл деньги. Очевидно, нас подслушали, и...

– У ваших подчиненных хорошая фантазия.

– Да. Я горжусь креативностью своих подчиненных, – нагло сказал Дима. – А учитывая, что все знали про наши с Егором натянутые отношения...

– То есть это не Егор Кузнецов, а Дмитрий, – Гладышев опустил глаза в свои записи, – «ввалился в офис в состоянии сильного алкогольного, извлек деньги из сейфа, ущипнул за попу юриста...»

– У всех свои слабости.

– Мы можем идти? – спросил Шигорин.

Гладышев кивнул.

Дима встал. Направился к двери. В сознании барахталась лишь одна мысль.

Гладышев не поверил ни единому слову.

Шигорин подвез Диму к дому. Дима вылез из машины. Вразвалочку – по-другому он сейчас не мог – пошел к подъезду.

На полпути обернулся. Помахал Шигорину рукой.

Тот кивнул в ответ, и разбрызгивая дворовые лужи, поехал домой.

Дима бросил взгляд вверх. В кухонных окнах горит свет – Ира дома. Готовит ужин.

Дима достал сигарету. Закурил. Ира терпеть не могла табак, а ему было нужно подумать.

Адреналин в крови упал. Боль в промежности усилилась.

Плевать. Он ходил на секцию. Первые полгода его били. На тренировке. И в раздевалке после душа. Полотенцами – это больнее, чем звучит на словах. Кожаными ремнями с тяжелыми металлическими бляшками. Ногами. Четыре раза тушили о тело сигарету – до сих пор шрамы на спине, Ира любит их рассматривать.

Дима терпел. Прятал побои от родителей. Пока в один прекрасный день не смог проломить череп зачинщику.

И вообще – из всех институтов «мужской социализации» он не прошел только армию.

Из-за «условки».

Из-за нее же не смог устроиться в нормальную компанию.

Пришлось открыть свою.

Боль в промежности – фигня. Хуже было другое...

Дима затушил сигарету и закурил новую.

Хуже было другое – сегодня он впервые соврал на допросе.

На что он рассчитывал? Что про воровство Егора никто не узнает? Глупости. Надо было обсудить все с адвокатом. Выбрать стратегию. Придумать *правдоподобную* ложь...

– Почему вы сразу ничего мне не сказали? – спросил Шигорин после допроса, когда Дима рассказал ему про Егора.

Дима промолчал.

Потому.

Потому что от мысли, что его обворовывал родной брат, было мучительно стыдно.

И сосало под ложечкой от уже подзабытого чувства бессилия.

Егор просто притворялся им, проникал в кабинет и воровал деньги. Притворялся. Проникал. Воровал. Помешать – невозможно. Разработать систему паролей, по которым коллеги будут распознавать Диму? Чушь. Поползут слухи.

К тому же Егор «раскусит» систему паролей.

Раскусит.

Он же как-то *узнал* шифр от сейфа.

В первый раз это была их с Егором дата рождения. Которую знал каждый. Многие. Дима тогда даже не подумал на Егора. Почти не подумал. Поменял шифр. Выбрал *ту* да-

ту. Дату, которую после смерти родителей знали лишь они с Егором.

Дату их ссоры.

Когда шифр подобрали вновь, у Димы не осталось сомнений.

– От тебя не убудет, – нагло сказал Егор.

Сволочь хотелось задушить. Не из-за денег – Егор таскал по мелочи – а от бессилия. От того, что пришлось тащиться к нему на квартиру через весь город. От того, что, открывая дверь, он не удосужился одеться – вышел голый, разминаясь и почесываясь. Наверно, пялил кого-то в дальней комнате.

От того, что если б Егор попросил, Дима дал бы денег просто так...

Дима поменял шифр снова. Сгенерировал методом случайных чисел.

Егор подобрал.

– Как? – спросил Дима в трубку. Решил не ехать. Устал.

Егор ответил просто:

– Я тебя чувствую.

Егор пояснил:

– Захожу в кабинет, становлюсь перед сейфом. Минута – и я будто становлюсь тобой, помню, какие цифры набирал вчера, позавчера, и...

– Не носи чушь.

– Зачем мне врать? Чувствовать себя на твоём месте – занятие не самое приятное.

Бред. «Я будто становлюсь тобой»...

Но других объяснений у Димы не было.

От мысли, что кто-то – возможно – присваивает его личность, было противно. От мысли, что это делает Егор – противно вдвойне.

Они братья. Между ними есть связь.

Была.

Лурц прав. Он не может думать о брате. И не думать не может.

Психические заболевания наследственны?

Что ж. В таком случае в его мозгу – бомба замедленного действия. Которая уничтожит его жизнь. Которая уничтожила жизнь брата. В переносном смысле. Возможно – в прямом.

Егор умер. Фитилёк подожжен...

Дима затушил – уже третью – сигарету.

Чушь.

Пиликнул смартфон. Дима посмотрел на экран.

СМС-ка.

От Иры.

«Скоро буду дома. Тебе что-нибудь купить?».

Дима поднял взгляд вверх. Свет на кухне резко погас.

10

Дима пулей ворвался в подъезд. Остановился. Прислушался. Сверху – шаги? Или кажется? Шум из квартиры? Сложно понять. В этом «элитном жилье» чихнуть нельзя, чтоб весь подъезд не узнал.

Скрипнул лифт. Починили. Скрипнул сверху. Дима затаился у входа. Подождал.

Напугал дядю Витю, который вышел из лифта с собакой.

Напугал собаку, которую и так «кошмарили» все дворовые коты.

Забежал в лифт. Нажал кнопку своего этажа.

Нажал. Нажал. Нажал. Нажал.

Поехали.

Быстрее.

Он совсем забыл про чердак. Который всегда нараспашку. Через который легко перебраться в соседний подъезд.

Его этаж. Его квартира.

Дима с силой дернул ручку. Заперта. Ключи. Телефон, пачка сигарет, жвачка...

Вот они. Открыл дверь. Зашел в квартиру. Замер на пороге.

Что делают в таких ситуациях? Звонят в полицию?

Ага.

Не включая свет, Дима крадучись пошел в сторону кухни.

Вспомнил школу. Вспомнил, как зимой задержался на факультативе по программированию. Как пообещал учителю самостоятельно закрыть кабинет – дома компьютера не было, а хотелось опробовать одну штуку. Как просидел до одиннадцати, а потом четыре этажа спускался вниз. Освещая дорогу кнопчным телефоном. Чувствуя в каждом темном углу призраков...

Вот и кухня. Дима замер перед дверью. Прислушался. Ни шороха. Сквозь стекло в двери ни черта не видно. Выключатель, как назло, внутри.

Чувствуя себя десятилетним пацаном, Дима набрался смелости, резко открыл дверь и щелкнул выключателем.

Ничего не произошло.

Дима пощелкал выключателем туда-сюда – тот не работал.

Сзади раздались аккуратные шаги. Дима взял со стола доску для разделки мяса. Замахнулся. Пошел на звук.

Шаги стихли. Дима замер.

– Кто здесь? – наконец прозвучал нерешительный голос.

Знакомый голос. Серьезно? Дима расхохотался.

– А-а! – завизжала Ира, услышав, как из глубины темной квартиры приближается чей-то хохот.

11

– Ты чего дверь не закрыл? – спросила Ира. – Я уж думала полицию вызывать.

– Бывает, – решил не вдаваться в подробности Дима.

Все просто. Ира забыла погасить свет. Лампочка перегорела.

В доме никого не было.

Никого.

– И свет не включил, – Ира щелкнула выключателем в прихожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.